

Политическое образование и просвещение по Томасу Гоббсу

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ

Доцент, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: tdmitriev@hse.ru.

Ключевые слова: история политической философии; политическое образование; политическое просвещение; классическое республиканство; университет; политика и религия; гражданская война в Англии.

Томас Гоббс был одним из первых политических мыслителей Нового времени, который, исследуя опыт гражданской войны в Англии, пришел к выводу о том, что верховная власть в лице своих представителей должна проводить особую политику воспитания дворянства и просвещения народных низов, рассчитанную на формирование у них чувства лояльности по отношению к верховной власти и к государству в целом. Одно из главных направлений этой политики Гоббс усматривал в необходимости контроля верховной власти над институтами знания, дабы не допустить распространения при их посредстве в обществе мнений, противных авторитету верховной власти. Не менее важным аспектом политики просвещения, предложенной Гоббсом, выступает контроль светской верховной власти над церковными институтами, призванный обеспечить их лояльность суверену.

Особую роль в своей политике воспитания и просвещения Гоббс отво-

дит английским университетам. В историческом сочинении «Бегемот, или Долгий парламент» (*Behemoth, or The Long Parliament*) он возлагает львиную долю вины за гражданскую войну в Англии на университеты, которые, по его словам, «были для английской нации тем же, чем деревянный конь для троянцев». Поэтому одержавшая победу новая суверенная власть должна была начать создание условий для гражданского мира с реформы университетов, которые были «центром восстания» (*the coar of rebellion*). В основу этой реформы Гоббс считал необходимым положить политическую доктрину неограниченной власти светского суверена, детально изложенную им в «Левиафане». По мнению Гоббса, такая образовательная политика была совершенно необходима для воспитания лояльных по отношению к верховной власти граждан и для сохранения гражданского мира в Англии.

По дороге, осажденной борющимися армиями, из которых одна борется за слишком большую свободу, а другая — за слишком широкие полномочия власти, трудно пройти невредимым.

Томас Гоббс. Левиафан (посвящение мистеру Фрэнсису Годольфину из Годольфина)

По-моему, первым, кто предложил свернуть классическое образование, поскольку оно насаждает опасный дух свободы, был автор «Левиафана».

Фридрих фон Хайек. Дорога к рабству

ОДНУ из наиболее примечательных особенностей политического учения Томаса Гоббса составляют те практические рекомендации, направленные на предотвращение внутриполитических смут и раздоров, которые он дает, опираясь на осмысление опыта гражданской войны 1640–1660 годов в Англии. Среди них отдельное место занимает идея о том, что суверен должен быть единственным судьей в отношении того, каким доктринам можно, а каким нельзя учить его подданных, поскольку это вопрос жизни и смерти для государства. По словам Гоббса,

... в компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде чем они будут опубликованы¹.

Такие меры предосторожности верховной власти следовало принять потому, что

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, Форма и Власть Государства Церковного и Гражданского [1651] (XVIII) // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 138.

... действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей с целью водворения среди них мира и согласия².

Насколько велико было значение, которое Гоббс придавал этой проблеме, показывает обмен мнениями между действующими лицами (выступающими под псевдонимами А и В) в его сочинении «Бегемот, или Долгий парламент» по поводу претензий папского престола на полноту духовной и светской власти. Говоря о тех правах, на которые папа римский претендовал в государствах других правителей, первый из участников диалога упоминает о власти папы освобождать подданных от их обязанностей и клятв верности своим законным светским государям в тех случаях, когда сочтет это необходимым для искоренения ересей. На это второй участник диалога замечает:

Эта власть освобождать подданных от подчинения, как и власть быть судьей нравов и доктрин, *представляет собой столь абсолютную власть, какая только возможна*. Следовательно, у одного и того же народа должно быть два королевства, и никто не в состоянии будет знать, кому же из своих Господ ему должно повиноваться³.

Эти рассуждения Гоббса дают нам понять, что в данном случае речь идет отнюдь не о второстепенной проблеме, но о вопросе, от которого в огромной степени зависела сама способность гражданской власти сохранять мир и спокойствие в государстве, или, выражаясь словами самого Гоббса, об «абсолютной власти, которая только возможна»⁴. Особое внимание при этом следовало уделить философским и религиозным учениям, преподаваемым в уни-

2. Гоббс Т. Левиафан (XVIII). С. 138.

3. *Hobbes T. Behemoth, or The Long Parliament* / P. Seaward (ed.). Oxford: Clarendon, 2014. P. 115. В оригинале читаем: "This Power of absolving subjects of their obedience, as also that other of being judge of manners and doctrine, is as absolute a Sovereignty as is possible to be; and consequently there must be two kingdoms in one and the same nation, and no man be able to know which of his Masters he must obey". Курсив в обеих цитатах мой. — Т. Д.

4. Любопытное преломление этой мысли Гоббса в художественной литературе можно найти в «Прогулках по Риму» Стендаля, где встречаются, в частности, такие строки: «Государь этой страны (имеется в виду папа римский. — Т. Д.) обладает самой неограниченной властью и в то же самое время руководит своими подданными в самом важном деле их жизни — в деле загробного спасения» (Стендаль. Прогулки по Риму // Собр. соч.: В 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 10. С. 9).

верситетах. По словам Гоббса, для сохранения внутреннего мира в государстве требуется немало усилий, ибо его нарушению способствует множество факторов, среди которых есть и «активно побуждающие к действиям мятежно настроенных людей. В их числе мы на первое место поставили некоторые учения»⁵. Поэтому

...обязанность осуществляющих верховную власть состоит в том, чтобы вытравить их из сознания граждан и внушить противоположные. Поскольку же мысли нельзя внушить человеческому уму силой власти и угрозой наказания, а лишь убеждением, ясностью доводов, то законы, которым надлежит бороться с этим злом, должны преследовать не заблуждающихся, но сами заблуждения⁶.

Как подчеркивает Гоббс, эти заблуждения, которые

...несовместимы со спокойствием государства, проникают в сознание людей необразованных и с кафедр проповедников, и из повседневных разговоров людей, не занятых своим именем и располагающих досугом, а к этим последним они приходят от учителей их молодежи в университетах. Поэтому если кто-то хочет утвердить здравомыслие в государстве, тому следует начинать с университетов. Именно там должны быть заложены истинные и правильно построенные основания гражданского учения, усвоив которые юношество сможет впоследствии и в частных беседах, и в общественных проповедях наставлять в нем народ⁷.

Соответственно, с точки зрения Гоббса, реформа университетской системы в Англии должна была стать важнейшей заботой ее новых правителей. Он заключает:

Таким образом, я считаю долгом правителей кодификацию основных положений истинного гражданского учения и введение обязательного преподавания их во всех университетах государства⁸.

В ходе революции идея о необходимости коренной реформы университетов привела к сближению Гоббса с новыми властями. Когда в 1653 году Кромвель вознамерился основать в Северной Англии

5. Гоббс Т. О гражданине [1642] (XIII.9) // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 404.

6. Там же. С. 405.

7. Там же.

8. Там же.

новый университет, Гоббс с большим интересом отнесся к этой затее, хотя сам он возлагал надежды скорее на реформу старых университетов, нежели на основание новых⁹. Более того, намерения новых властей по преобразованию университетов побудили и его самого ввязаться в полемику с защитниками старых университетских порядков¹⁰. Несмотря на принципиальную разницу мотивов, по которым Кромвель и Гоббс считали необходимым провести кардинальную реформу английских университетов, — если первый видел в них оплот роялистской реакции, то второй полагал их источником распространения подрывных революционных идей, — оба они тем не менее сходились друг с другом в том, что от системы университетского образования в Англии исходила угроза гражданскому миру, которую надо было ликвидировать во что бы то ни стало. Достичь этой цели можно было в том числе и за счет изъятия из университетских программ учений, враждебных гражданскому миру, а также благодаря правильной постановке обучения «основным положениям истинного гражданского учения» во всех университетах государства.

Что же такого опасного содержалось в текстах классиков политической традиции, что побудило Гоббса потребовать закрыть их идеям доступ в университет? Дабы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к взглядам Гоббса на причины смут и гражданских войн. Их рассмотрение и критический анализ позволит также заключить, в чем состояла политическая прагматика той стратегии интеллектуальной и духовной цензуры, без осуществления которой гражданский мир был бы, по твердому убеждению Гоббса, попросту недостижим. Здесь же напрашивается и еще один вопрос, тесно связанный с первыми двумя: какие последствия такая политика должна была иметь для положения и преподавания гражданской философии (*philosophia civilis*) в английских университетах? Здесь мы постараемся разобраться в этой проблеме и предложить ответы на поставленные выше вопросы, отталкиваясь при этом как от аналитической реконструкции соответствующих элементов политического учения Томаса Гоббса в том виде, в каком оно изложено в его работах «Начала права» (*Ele-*

9. *Tönnies F. Hobbes Leben und Lehre. Erster Teil. Leben des Hobbes.* Stuttgart: Friedrich Frommanns, 1896. S. 52.

10. Мотивы, которые подтолкнули его принять участие в этой полемике, Гоббс изложил в письме к одному из поклонников его философии, доктору Самюэлю Сорбьеру: *Hobbes to Samuel Sorbière (29 December 1656/ 8 January 1657) // The Correspondence of Thomas Hobbes/N. Malcolm (ed.). Pt. 1: 1622–1659.* Oxford: The Clarendon Press, 1994. Vol. 6. P. 427–429.

ments of Law, 1640/1650), «О гражданине» (*De Cive*, 1642) и «Левиафан» (*Leviathan*, 1651), так и от истории гражданской войны в Англии 1640–1660 годов, рассказанной им в сочинении «Бегемот, или Долгий парламент» (*Behemoth, or The Long Parliament*), опубликованном посмертно в 1682 году.

Гоббс о причинах гражданской войны в Англии

Отправной точкой для предлагаемых Гоббсом практических рекомендаций о необходимости контроля суверена и его должностных лиц над содержанием политических и религиозных учений послужил осуществленный им анализ причин гражданских войн вообще и гражданской войны в Англии в частности¹¹. Рассматривая эти причины, Гоббс особое внимание обращает на роль университетов и религиозных конфессий, о чем свидетельствуют все его основные политические и историко-политические сочинения — от «Начал права» до «Бегемота». Анализируя в этом последнем произведении процесс образования различных политических и религиозных группировок, бросивших вызов королевской власти (Гоббс называет их «партиями»), он отмечает, что именно их пагубное идейное воздействие на умы и настроения народа в конечном счете привело Англию к политической катастрофе и ввергло страну в пучину гражданской войны. Сразу же оговоримся, что в данном случае нас будет интересовать прежде всего анализ Гоббсом духовных причин гражданской войны в Ан-

11. Подробный анализ данной Гоббсом трактовки причин гражданской войны в Англии можно найти в статье: MacGillivray R. Thomas Hobbes's History of the English Civil War: A Study of Behemoth // *Journal of the History of Ideas*. 1970. Vol. 31. № 2. P. 179–198, esp. 187–196. Из последних публикаций укажем на аналитико-критическую реконструкцию, предложенную Арашем Абизаде: Abisadeh A. Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory // *American Political Science Review*. 2011. Vol. 105. № 2. P. 298–315. Последний автор, используя, правда, нехарактерный для Гоббса язык социально-политической мысли зрелого модерна, справедливо отмечает то обстоятельство, что когда Гоббс обращается к объяснению причин гражданской войны в Англии, то «он вовсе не ограничивается естественными предрасположенностями человеческой психологии и системными (материальными) стимулами инструментального человеческого действия в условиях неопределенности; помимо этого, он отводит значительное место идеологии и социализации, а также религиозному многообразию» (Ibid. P. 299). Однако и на теоретическом уровне, когда у Гоббса речь идет о *решении* проблемы войны, точнее, о ее предотвращении, вопросам идеологии, а также символам и социализации отводится центральная роль (Ibidem).

глии, хотя для него как для политического мыслителя было совершенно очевидно, что причины гражданской войны в Англии не ограничиваются духовными и интеллектуальными факторами. Подробное перечисление тех «совратителей» (*seducers*), которые подвигли английский народ на бунт против законной королевской власти Карла I, занимает довольно много места в первом диалоге «Бегемота». Среди них Гоббс упоминает (1) пресвитерианских священников (*ministers*); (2) сторонников власти папы римского, которых он называет папистами (*Papists*); (3) индипендентов (*Independents*) и приверженцев иных радикальных протестантских сект, выступавших с требованиями свободы религии; (4) образованных дворян, чье чтение греческих и римских классиков подтолкнуло их к бунту против короны; (5) деловые круги лондонского Сити и других крупных торговых городов Англии, желавшие получить те же права и свободы, что имело торговое сословие в соседней Республике Соединенных провинций Нидерландов; (6) обедневших дворян, рассчитывавших с помощью войны поправить свое пошатнувшееся материальное положение, и, наконец, (7) народ, который

... вообще был столь невежествен относительно своих обязанностей, что вряд ли хотя бы один из десяти тысяч знал, какое право имеет кто-либо повелевать им или в чем необходимость существования короля или народовластия, ради которых он должен был против своей воли расставаться со своими деньгами¹².

Соответственно,

... из этих семи бедствий, терзавших Англию, первые четыре касались религии и идеологии, пятое и шестое — области экономики и последнее, вероятно наиболее важное, указывало на ошибки правительства, которые, по сути дела, были связаны с неправильными представлениями и мнениями народа¹³.

Эта последняя причина, связанная с незнанием людьми их гражданских обязанностей и прав в отношении верховной власти, в свете теории гражданских обязанностей Гоббса является ключевой для понимания первых шести причин. В самом деле, все эти вышеперечисленные источники гражданской войны и националь-

12. *Hobbes T. Behemoth*. P. 110–111.

13. *Borot L. Hobbes' Behemoth // Hobbes and History / G. A. J. Rogers, T. Sorell (eds).* L.: Routledge, 2000. P. 141.

ной катастрофы, ею порожденной, в конечном счете, как верно замечает Ройс МакГиллеви, сводятся к одной:

... неспособности людей всех рангов, от явных роялистов и тихих лоялистов до откровенных мятежников, понять необходимость беспрекословного повиновения королю, которую Гоббс наиболее настойчиво доказывает в своем «Левиафане»¹⁴.

Такая общая постановка вопроса о причинах гражданской войны в Англии не отменяет, однако, необходимости дифференцированного подхода к анализу факторов, ее породивших. Это тем более справедливо, что, как мы уже могли убедиться, в плане идейном и духовном Гоббс выделяет не одну, а несколько главных причин гражданской войны в Англии. Первая из них — это разногласия по поводу прав верховной власти, которые нашли свое выражение в конфликте короля и парламента, послужившем прологом к гражданской войне; вторая причина была обусловлена склонностью частных лиц превращать свои личные явные или мнимые религиозные озарения в предписания, призванные регулировать поведение — как их собственное, так и других людей, ищущих спасения на небесах. Это касалось прежде всего сторонников пресвитерианской церкви, а также последователей различных радикальных версий протестантизма — индепендентов, «сепаратистов», то есть сторонников решительного отделения от официальной англиканской церкви, квакеров, анабаптистов и т. д. Наконец, свою лепту в разжигание гражданской войны внесли хотя и немногочисленные, но активные и влиятельные сторонники римско-католической церкви, считавшие, что все христиане под страхом смерти обязаны «подчиняться всем постановлениям папы, которого они считают высшим священником христианских народов»¹⁵. Таким образом, одна из духовных причин гражданской войны в Англии была светской, тогда как две или три другие — религиозными¹⁶.

14. MacGillivray R. Thomas Hobbes's History of the English Civil War: A Study of Behemoth. P. 188.

15. Hobbes T. Behemoth. P. 112.

16. Говоря о «двух или трех причинах», я имею в виду то обстоятельство, что Гоббс в «Бегемоте» имеет обыкновение использовать понятие «пресвитериане» в широком, а не узком техническом смысле, подводя под него не только сторонников пресвитерианской церкви в Англии и Шотландии, но «всех политически и теологически консервативно настроенных английских пуритан. Эти люди могли быть, а могли и не быть пресвитерианами в техническом смысле слова, — как правило, они не были ими, — однако в глазах тех, кто использовал этот термин, они придерживались,

Светскую духовную причину гражданской войны Гоббс усматривает в пагубном влиянии на умы университетов, которые воспитывали образованную элиту английского общества. Вот что Гоббс писал по этому поводу в «Бегемоте»:

Было несколько большее число людей лучшего типа, получивших такое образование, что в своей юности они читали книги, написанные знаменитыми людьми древних республик Греции и Рима (*ancient Grecian and Roman Commonwealths*) относительно их политики и великих деяний. В этих книгах народоправство превозносилось под славным именем свободы, а монархия бесчестилась под именем тирании. Поэтому им полюбились те формы правления. Из этих людей была избрана большая часть палаты общин, а если они и не составляли большинства, то все же благодаря своему красноречию (*by advantage of their eloquence*) всегда были в состоянии повлиять на остальных¹⁷.

В свою очередь, религиозные причины гражданской войны были связаны с попытками приверженцев римско-католической церкви восстановить ее господство в Англии, а также с влиянием протестантских проповедников, обращавшихся в основном к простонародной аудитории. Воздействие университетов на умы (и страсти) своих питомцев было основано прежде всего на изучении и пропаганде сочинений авторов, относящихся к классической республиканской традиции, то есть на греческих и римских республиканских идеях, прославлявших древние идеалы политической свободы и народовластия. Влияние сторонников католицизма и римского престола зиждилось на их убеждении в том, что папе и римско-католической церкви должна принадлежать полнота не только духовной, но и светской власти (*plenitudo potestatis*) во всем христианском мире; по этой причине они полагали, что папа располагает в государствах других властителей особыми правами, имеющими приоритет над правами светских государей¹⁸. Наконец, влияние пуритан на страсти (и умы) их паствы восходило к религиозной концепции, согласно которой каждый, кто следует их истинной вере, имеет полное право и обязанность подчиняться непосредственному вдохновению, якобы исходяще-

по крайней мере в то время, взглядов, характерных для индипендентов или сторонников других радикальных сект» (*MacGillivray R. Thomas Hobbes's History of the English Civil War: A Study of Behemoth. P. 188*).

17. *Hobbes T. Behemoth. P. 110.*

18. Перечисление и критический анализ этих прав папства Гоббс дает в первом диалоге своего «Бегемота»: *Ibid. P. 114–135.*

му свыше; из этого следовало, что пророчествовать может каждый, на кого это вдохновение низойдет. Влияние этих трех начал ведет к рождению духа неповиновения, оспариванию прерогатив короны и к стремлению подчинить светскую власть духовной либо сделать последнюю совершенно независимой от первой, превратить ее в своего рода «государство в государстве».

Таким образом, в своей политической философии Гоббс ведет борьбу на два фронта. С одной стороны, он подвергает суровой и бескомпромиссной критике политическую теологию римско-католической церкви, основанную на смешении природы и благодати¹⁹. С другой стороны, не менее суровую критику он обрушивает на те два учения, которые стали ферментами духовного и политического протеста против политической власти римско-католической церкви и прерогатив королевской власти, а именно на классическое республиканство в лице поклонников Аристотеля и Ци-

19. Крайне показательно, что для обличения католической теологии Гоббс, вполне в духе своей неаристотелевской риторики, использует образ Эмпусы — ночного демона из древнегреческой мифологии, выведенной античным комедиографом Аристофаном в качестве одного из персонажей в его комедии «Лягушки». Уподобляя схоластическую теологию этому чудищу из царства мертвых, Гоббс пишет о том, что схоластика, именуемая *θεολογίαν* (теологией), «шествовала, опираясь на здоровую ногу, каковой является Священное писание, и на больную, каковой была та философия, которую апостол Павел назвал суетной, а мог бы назвать и пагубной. Ибо эта философия возбудила в христианском мире бесчисленные споры о религии, которые привели к войнам» (Гоббс Т. Основы философии. Часть первая. О теле. Посвящение графу Девонширскому [1655] // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 69). По поводу использования Гоббсом риторики и ее особенностей см. исследование Квентина Скиннера: *Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; а также статьи Тома Сорелла, в частности: *Sorell T. Hobbes's UnAristotelian Political Rhetoric // Politics & Rhetoric*. 1990. Vol. 23. № 2. P. 96–108; *Idem. Hobbes's Persuasive Civil Science // Philosophical Quarterly*. 1990. Vol. 40. № 3. P. 342–351. Взвешенную и сбалансированную оценку отношения Гоббса к риторической традиции дает Отфрид Хёффе, который соотносит изменения в его подходе к риторике с интеллектуальной эволюцией английского философа. Хёффе рисует эволюцию отношения Гоббса к риторической традиции в диалектическом ключе, ставя во главу угла принятие английским мыслителем «геометрического» метода философствования. С этой точки зрения тезис (ранние годы интеллектуальной эволюции мыслителя) состоит в высокой оценке риторики, антитезис (средний период эволюции) — в резкой критике риторики и риторической традиции и, наконец, синтез (поздний период эволюции, начиная с «Левиафана») — в том, что риторика вновь реабилитируется и получает признание, хотя отношение мыслителя к ней продолжает оставаться двойственным (Höffe O. *Thomas Hobbes*. München: C. H. Beck, 2010. S. 44).

церона²⁰, а также на протестантизм в его наиболее радикальных версиях. Показательно, что оба этих движения обращались к великому прошлому (Античность) или к чистому прошлому (первоначальное христианство), противопоставляя его испорченному настоящему. Речь шла о том, что смешение католиками природы и благодати, интеллектуальным выражением которого стал схоластический аристотелизм, преподаваемый в университетах, породило реакцию в виде обращения к чистой природе (Античность) или к идее спасения с помощью одной только благодати (протестантизм)²¹. Наконец, что касается парламентской оппозиции прерогативам английской короны накануне гражданской войны (1610–1620-е годы), то и она отталкивалась от традиций и обычаев английской старины и прецедентов общего права, взятых за нормативный образец, противопоставляя тем самым идеализированное прошлое испорченному настоящему²².

В данном случае важно, однако, еще и то, что Гоббс не ограничивается одним выявлением интеллектуальных причин смуты и гражданской войны в Англии, но подвергает соответствующие философские и религиозные учения и концепции тщательному разбору с точки зрения их вклада в дело сохранения или разрушения гражданского мира и согласия. Первостепенное значение, которое он придавал этому вопросу, заметно уже по тому, что Гоббс

20. «Разве может быть добрым подданным монархии тот, чьи принципы заимствованы у врагов монархии, каковыми были Цицерон, Сенека, Катон и другие политики Рима и Аристотель из Афин, которые редко говорят о королях иначе, нежели как о волках и иных алчных тварях?» (*Hobbes T. Behemoth*. P. 322).
21. *Manent P. Histoire intellectuelle du liberalism: Dix Leçons*. P.: Calmann-Lévy, 1987. P. 55.
22. «Представление о прогрессе, — отмечал известный русский историк Александр Савин, — чуждо даже самым смелым парламентским борцам 10-х и 20-х годов XVII века. Их взоры обращены к прошлому. Они думают, что позади них сияет солнце свободы, бьет ключ политической мудрости, из которого они должны черпать в своей борьбе. Себя они стараются представить хранителями незапамятных национальных традиций, своих противников — новаторами и революционерами. <...> Они отказывались признать притязания короны на водительство народной жизни, на суверенитет, они хотели утвердить верховенство парламента и тех общественных классов, которые были представлены в тогдашнем парламенте. Их победа должна была привести к решительному разрыву с политическим порядком, установившимся в Англии со времени Тюдоров, с политической гегемонией короны. По существу, они были революционеры. Но они сами долго не осознавали всех последствий начатого ими дела» (*Савин А. Н. Лекции по истории английской революции / Под общ. ред. Е. А. Косминского. 2-е изд. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 56–57*).

затрагивает его во всех своих главных произведениях, излагающих его учение о политике. Как в «Началах права» и «О гражданине», так и в «Левиафане» Гоббс подробно перечисляет и характеризует вредные политические и религиозные учения, которые разжигают в людях недовольство верховной властью. Особенность позиции Гоббса по этому вопросу заключается в следующем: борьба не на жизнь, а на смерть, угрожающая самому телесному существованию индивидов, разгорается в современном обществе не тогда, когда они действуют в соответствии со своими интересами, но тогда, когда они начинают действовать вопреки им под воздействием вредных религиозных и политических учений или же когда они, находясь под воздействием этих учений, принимают свои сиюминутные интересы и преходящие страсти, обусловленные злобой дня, за свои истинные долгосрочные интересы²³. Подобные доктрины Гоббс в четвертой части своего «Левиафана», имеющей примечательный заголовок «О царстве тьмы», называет учениями, противоречащими «интересам мирного существования человеческого рода (*doctrines, contrary to the peaceable societies of mankind*)»²⁴. К их числу он относит как различные аспекты вероучений католиков и протестантов, так и разнообразные политические и морально-практические учения, доставшиеся западному миру в наследство от Древней Греции и Рима. При всем многообразии содержательных характеристик этих учений общим для них является то, что в социально-политическом плане они представляют угрозу гражданскому миру и согласию, забота о сохранении которых в глазах Гоббса является первейшей обязанностью суверена. На этом основании Гоббс требует строгого запрета на преподавание и на проповедь этих учений, равно как и на все иные публичные формы их распространения. При этом он особо подчеркивает, что распространение этих ложных учений вовсе не представляет собой спонтанного процесса, но поощряется вполне конкретными заинтересованными лицами, социально-профессиональными группами и институтами, как светскими, так и духовными, рассчитывающими извлечь из распространения этих учений собственную выгоду. Поэтому для ответа на вопрос о том, почему эти ложные учения так долго господствовали над христианским миром, необходимо прежде всего задаться вопросом: *cui bono?* (кому выгодно?). Гоббс подчеркивает:

23. См. об этом: *Münkler H. Thomas Hobbes. Eine Einführung.* 3. Aufl. Frankfurt; N.Y.: Campus, 2014. S. 13, 56–57, 90–91.

24. *Гоббс Т. Левиафан (XLVII).* С. 526.

Этим же правилом я намерен руководствоваться здесь при выяснении вопроса, кому именно эти учения, противоречащие интересам мирного существования обществ человеческого рода, дали возможность так долго господствовать над людьми в этой части христианского мира²⁵.

От «войны перьев» к «войне мечей», или Идеи имеют последствия

Гоббс всегда настаивал на том, что следует чрезвычайно внимательно и осмотрительно относиться к интеллектуальным спорам на политические и религиозные темы, которые ведут образованные люди, к этой «войне перьев», как он сам ее называл, и принимать подобные войны и их последствия всерьез, поскольку при неблагоприятном стечении обстоятельств они имеют все шансы стать превосходным горючим материалом для «войны мечей». Говоря о причинах гражданских войн, разрушающих государственный организм, Гоббс отмечает, что их важнейшей причиной является подстрекательство к мятежу. Уподобляя вслед за древними авторами политический организм человеческому телу, он пишет, что «*гражданский мир — здоровье, смута — болезнь, и гражданская война — смерть*» (*concord, health; sedition, sickness; civil war, death*) этого организма²⁶. Гоббс говорит:

Подобно тому как в движении естественных тел нужно принимать во внимание три фактора — *внутреннее расположение*, которое должно способствовать осуществлению движения; *внешнюю движущую силу (agens)*, производящую фактически определенное движение, и само *действие*, — подобно этому и в государстве, где происходят волнения граждан, необходимо учитывать три момента: во-первых, учения и настроения, враждебные миру, к которым предрасположены умы отдельных граждан; во-вторых, личность тех, кто возбуждает, собирает, направляет граждан, уже готовых на возмущение и вооруженную борьбу; в-третьих — то, как это происходит, то есть самую заговорщическую *деятельность*²⁷.

Иными словами, гражданские войны, как и болезни человеческого организма, имеют свои причины, и новая политическая наука, создателем которой считал себя Гоббс, была призвана не только

25. Гоббс Т. Левиафан (XLVII). С. 526.

26. Там же. С. 6.

27. Он же. О гражданине (XII.1). С. 389–390.

подвергнуть их всестороннему анализу, но и найти действенное противоядие от них²⁸.

Согласно Гоббсу, смута (*sedition*) — это еще не гражданская война, но ее преддверие. Смута не всегда выливается в гражданскую войну, но создает для нее благоприятные предпосылки, способствуя широкому распространению в обществе определенных настроений, которые Гоббс именуется *страстями*, и определенных идей, подталкивающих людей к смуте и оправдывающих их участие в ней. Огромное значение имеет также наличие в обществе лиц и институтов, заинтересованных в смуте, или «соблазнитель» (*seducers*), которые, как правило, выступают в роли глашатаев и распространителей учений, разжигающих недовольство верховной властью. Наконец, для того, чтобы смута могла перерасти в мятеж, направленный на свержение законной власти, необходимы соответствующие антиправительственные организации — Гоббс называет их «партиями», — которые могли бы взять на себя организацию недовольных и направить их на захват государственной власти. В свою очередь, такие антиправительственные группировки нуждаются в вождях, которые могли бы их возглавить²⁹.

Если смута ведет к гражданской войне, то что порождает смуту? В трактате «О гражданине», характеризуя причины нарушения гражданского мира, Гоббс выделяет среди них «вещи, способствующие возникновению мятежных настроений» (*alia esse quae disponunt animos ad feditionem*), и «факторы, активно побуждающие к действиям мятежно настроенных людей» (*alia quae dispositos movent & excitant*), причем в числе последних он на первое место ставит «некоторые учения» (*quasdam pravas doctrinas*)³⁰. Подробную характеристику и оценку этих учений, «враждебных

28. «Физика, — писал Гоббс о физике Галилея в посвящении графу Девонширскому, открывающему его трактат «Основы философии», — новое явление. Но гражданская философия (*philosophia civilis*) является еще более новой, она не старше... чем написанная мной книга „О гражданине“» (Гоббс Т. Основы философии. Часть первая. О теле. С. 68).

29. «Партией же, — писал Гоббс в трактате «О гражданине», — я называю какое-то число граждан, объединенных собой либо *соглашением*, либо *могуществом* какого-то человека вопреки воле того или тех, кому принадлежит верховная власть. Таким образом, партия есть как бы государство в государстве. <...> Государи, допускающие существование партий, по существу впускают в собственные стены врага, а это противоречит благу граждан и тем самым естественным законам» (*Он же*. О гражданине (XIII.13). С. 407–408).

30. Там же (XIII.9). С. 404.

миру», мы находим в трактатах Гоббса «Начала права», «О гражданине» и «Левиафан»³¹. Наиболее исчерпывающий список вредных для гражданского мира доктрин содержится в трактате «О гражданине», где Гоббс перечисляет целых восемь учений, которые разжигают в людях недовольство верховной властью. Рассуждая о внутренних причинах, разрушающих государство, на первое место среди них он ставит мнение о том, что суждение о добре и зле есть личное дело каждого отдельно взятого человека.

1. Мысль о том, что суждение о добре и зле есть дело отдельных людей, а не верховной власти, говорит Гоббс, опасна для общества. Она ведет к тому, что подданные считают себя вправе не повиноваться верховной власти или даже сопротивляться ей, коль скоро они, руководствуясь своими частными суждениями, считают ее действия неправомерными³².

2. Подданные, повинаясь государям, поступают против совести и тем самым совершают грех (согласно Гоббсу, «грех есть все то, что человек совершает вопреки своей совести, потому что поступающие так пренебрегают законом») — эта мысль также опасна для общества. По словам Гоббса,

... мнение тех, кто доказывает, что *подданные совершают грех, исполняя повеления государей, представляющиеся им несправедливыми*, и ошибочно, и должно быть отнесено к числу тех, которые подрывают гражданское повиновение³³.

3. Тираноубийство дозволено — эту мысль Гоббс также считает опасной для общества:

Сколь опасно и губительно для государства, и особенно для *монархий*, это мнение, легко понять из того, что в силу этого положения любой царь, дурной или хороший, может быть приговорен к смерти судом одного человека и умерщвлен рукою одного убийцы³⁴.

31. *Hobbes T. Elements of Law, Natural and Politic (XXVII) / J. C. A. Gaskin (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1990; Гоббс Т. О гражданине (XII); Он же. Левиафан (XXIX).*

32. Разбору проблемы суждений частных лиц и их роли в провоцировании гражданских смут в работах Гоббса посвящена обстоятельная статья Уильяма Лунда (*Lund W. R. Hobbes on Opinion, Private Judgement and Civil War // History of Political Thought. 1992. Vol. 13. № 1. P. 51–72.*)

33. *Гоббс Т. О гражданине (XII.2). С. 391.*

34. Там же (XII.3). С. 392.

4. Гражданским законам подчинены и те, кто обладает верховной властью, — эта мысль опасна для общества. Гоббс подчеркивает:

В силу этого положения познание справедливого и несправедливого, то есть определение того, что противоречит гражданским законам, а что — нет, переходит к отдельному человеку. Следовательно, повиновение прекращается, как только какое-то приказание покажется противоречащим законам, а заодно исчезает и всякая возможность принуждения, а это означает уничтожение самой сущности государства³⁵.

5. «Верховная власть может делиться» — эта мысль опасна для общества. Учение о делимости верховной власти может принимать различные формы, одни из которых имеют религиозное, а другие — светское происхождение. Религиозное — у учения «папистов», то есть приверженцев римско-католической церкви, согласно которому папе римскому принадлежит верховенство в вопросах веры и вообще в духовных делах над светскими суверенами, и у сторонников радикальных протестантских сект, требующих крайней религиозной свободы, то есть полного невмешательства государства в дела веры. Светское происхождение имели учения тех противников абсолютизма, которые выступали против королевской прерогативы, то есть против сосредоточения в руках короны особых властных полномочий.

6. Вера и святость не приобретаются усердием и разумом, но являются результатом сверхъестественного воздействия и вдохновения — еще одна опасная для общества мысль. Как и первые три учения, она «ведет к тому, что *суждение о добре и зле передается отдельному человеку*, единственным следствием чего становится разрушение государства»³⁶.

7. Каждый гражданин обладает собственностью, то есть абсолютным владением своим имуществом, — это опасная для общества мысль. Со своей стороны, Гоббс настаивает на том, что подданные обладают не абсолютным, но лишь относительным правом собственности, поскольку общие правила владения и пользования ею определяются законами, изданными сувереном. На этом основании Гоббс утверждает, обращаясь к своему воображаемому оппоненту, что «твое право владения и твоя собственность су-

35. Гоббс Т. О гражданине (XII.4). С. 392–393.

36. Там же (XII.6). С. 394.

ществуют лишь постольку и до тех пор, поскольку и до каких пор хочет этого государство»³⁷.

8. Непонимание различия между *народом* (*populus*) и *толпой* (*multitudo*) ведет к мятежу. Это различие Гоббс комментирует следующим образом:

Народ есть нечто *единое*, обладающее *единой волей* и способное на *единое действие*. Ничего подобного нельзя сказать о толпе. Народ правит во всяком государстве, ибо и в монархическом государстве повелевает народ, потому что там воля народа выражается в воле одного человека³⁸.

По словам Гоббса,

... низы общества (*vulgus hominum*), да и многие другие, совершенно не замечающие, что дело обстоит именно так, о большом количестве людей всегда говорят как о *народе*, то есть о *государстве*. Они говорят, будто *государство* восстало против царя, что невозможно; или будто народ желает или не желает того или другого, когда этого не желают вечно недовольные ворчуны-подданные, прикрывающиеся именем народа, подстрекающие граждан против государства, то есть *толпу* против *народ*³⁹.

Заметим, что в данном случае важен не только порядок перечисления ложных учений, но и значение, которое Гоббс придает этому порядку. Это объясняется тем, что, по мнению Гоббса, первое учение, согласно которому суждения о добре и зле являются исключительной прерогативой отдельного человека, влечет за собой все прочие заблуждения. Иными словами, все эти восемь учений (в «Началах права» Гоббс перечисляет их шесть)⁴⁰ имеют одну общую причину. «Что касается учений, — пишет Гоббс в трактате «О гражданине», — которые предрасполагают к мятежу, то первым и самым главным является следующее: суждение о добре и зле

37. Гоббс Т. О гражданине (XII.7). С. 395. Непонимание простыми англичанами того, что их право владения собственностью является условным, а не безусловным, стало одной из причин их отчуждения от английской короны, способствовавшей разжиганию гражданской войны. Накануне войны каждый думал, писал Гоббс в «Бегемоте», «что он сам является хозяином того, чем он владеет, и что его имущество не может быть отнято у него без его согласия под предлогом общей безопасности» (*Hobbes T. Behemoth*. P. 111).

38. Гоббс Т. Указ. соч. (XII.8). С. 395.

39. Там же (XII.8). С. 395–396.

40. *Hobbes T. Elements of Law* (XXVII.4–10).

принадлежит каждому человеку»⁴¹. Однако если в естественном состоянии, где каждый вправе сам определять, в чем состоит его благо, это положение истинно, поскольку здесь нет общей верховной власти, то в гражданском состоянии оно, напротив, ложно. В условиях существования верховной власти

...определение добра и зла, справедливого и несправедливого, достойного и недостойного принадлежит гражданским законам, а посему то, что законодатель повелевает нам делать, то и должно почитаться за благо, а то, что он нам запрещает, — за зло. Законодателем же всегда является тот, кому в государстве принадлежит верховная власть, то есть в монархии — монарх⁴².

Сходного образа мысли Гоббс придерживается и в «Левиафане»⁴³. Правда, здесь он, в отличие от предшествующих трактатов, на первое место среди внутренних причин, ведущих государство к распаду, ставит ограничения, накладываемые верховной властью на саму себя, или «недостаточность абсолютной власти» (*want of absolute power*). В подобном смещении акцентов, по всей видимости, сказалось осмысление Гоббсом опыта гражданской войны в Англии. «Недостаточность верховной власти» состоит в том, что

...человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства. Из этого вытекает следующее: когда такому королю приходится в интересах безопасности государства использовать и те права, от которых он отказался, то это имеет видимость незаконного действия с его стороны, побуждающего огромное количество людей (при наличии подходящего повода) к восстанию⁴⁴.

Однако и роли «мятежных учений» Гоббс в «Левиафане» уделяет достаточно внимания, ставя их на второе место после плохого устройства верховной власти, лишаящего ее полноты суверенитета. Важнейшей причиной, ведущей государство к распаду и ги-

41. Гоббс Т. О гражданине (XII.1). С. 390.

42. Там же.

43. Детальный анализ учения Гоббса о причинах гражданских войн и «распада государств» в «Левиафане» можно найти в статье: Hertz D. Bürgerkrieg und politische Ordnung in *Leviathan*. Zum Kapitel 29 des *Leviathan*// Thomas Hobbes, *Leviathan*/W. Kersting (Hg.). 2. bearb. Aufl. B.: Akademie Verlag, 2008. S. 213–233.

44. Гоббс Т. Левиафан (XXIX). С. 250.

бели, является незнание подданными своих обязанностей по отношению к суверену. Подобное незнание только усугубляется болезнями, причиненными «ядом мятежных учений» (*the poisons of seditious doctrines*). На первое место среди них, как и в двух предыдущих трактатах, Гоббс ставит в «Левиафане» частные суждения о добре и зле, то есть учение о том, что «каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны»⁴⁵. Другое учение, направленное против гражданского общества, — то, которое гласит, что все, что человек делает против своей совести, даже если при этом он совершает то, что было предписано сувереном, есть грех. По мнению Гоббса, если требуемое сувереном является грехом, то этот грех ложится на суверена и он будет отвечать за него перед Богом. Напротив, для того, к кому обращено повеление суверена, грехом будет именно отказ от исполнения этого повеления. В противном случае, как подчеркивает Гоббс, «всякий стал бы повиноваться верховной власти лишь постольку, поскольку ее повеления встречали бы его личное одобрение»⁴⁶. Третье мятежное учение также является религиозным; оно учит, что «вера и святость приобретаются не учением и размышлением, а сверхъестественным вдохновением, или внушением (*infusion*)»⁴⁷. Если бы это учение было истинным, замечает Гоббс, то нельзя было бы объяснить, почему каждый христианин не мог бы также быть пророком или почему человек должен в своих действиях руководствоваться законами своей страны, а не собственным вдохновением. Здесь мы, говорит Гоббс,

... снова впадаем в ошибку, объявляя себя судьями добра и зла или делая судьями в этих вопросах таких лиц, которые претендуют на сверхъестественное внушение, что должно вести к разложению всякой гражданской власти⁴⁸.

Остальные три мятежные учения, которые Гоббс упоминает в «Левиафане», — это мнение о том, что суверен подчинен гражданским законам, приписывание абсолютного права собственности подданным и учение о делимости верховной власти. Таким образом, перечень ложных учений, направленных против государства, в «Левиафане» в целом повторяет аналогичный перечень в «Началах права» и «О гражданине», правда, с двумя весьма приме-

45. Гоббс Т. Левиафан (XXIX). С. 252.

46. Там же.

47. Там же.

48. Там же (XXIX). С. 252–253.

чательными исключениями: в «Левиафане» отсутствуют упоминания об учениях, согласно которым тираноубийство дозволено, а «народ» и «толпа» — это одно и то же действующее лицо в политической жизни. Вряд ли это умолчание обусловлено принципиальным изменением политических взглядов Гоббса; скорее всего, его можно объяснить тактическими соображениями. Гоббс намеревался опубликовать свой трактат в Англии, где в 1650 году после окончания первого этапа гражданской войны воцарилась республика и был установлен протекторат Кромвеля; кроме того, были еще слишком свежи воспоминания о том, как в 1649 году по обвинению в государственной измене в Лондоне при большом стечении народа был казнен король Карл I Стюарт. Можно предположить, что, будучи мудрым и здравомыслящим человеком, Гоббс, чтобы не ставить под угрозу публикацию своего трактата на родине, решил лишний раз «не дразнить гусей» в лице новых хозяев страны, чье восхождение к власти было отмечено исполненным религиозного смысла актом царубийства⁴⁹.

Таким образом, из шести опасных мыслей, перечисленных в «Левиафане», три непосредственно касаются религиозных учений. Это учение о том, что каждый человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши, а какие дурны, затем учение о том, что все, что человек делает против совести, есть грех, и, наконец, учение о том, что вера и святость приобретаются не учением и размышлением, а сверхъестественным вдохновением или внушением, чему учили пресвитерианские проповедники. В свою очередь, учение о делимости верховной власти можно вывести как из религиозных проповедей, так и из чтения классической литературы. Наконец, учения о том, что убийство тирана оправданно и что народ и толпа — это одно и то же, ведут свое происхождение из классической литературы. Учение о том, что суверен должен быть подчинен гражданским законам, также может быть выведено к классическим источникам. Таким образом, единственное

49. История идейного обоснования и оправдания этого кульминационного акта английской революции представляет собой отдельную и необычайно важную страницу ее истории. Наиболее известное произведение, оправдывающее этот акт с религиозной и философской точек зрения, — сочинение известного поэта и республиканца Джона Мильтона «О королях и магистратах» (“The Tenure of Kings and Magistrates”, 1649) (*Milton J. Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 3–48). О религиозном смысле, который победившие противники Карла I Стюарта вкладывали в суд над ним и в публичное действо его казни, см.: Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / Пер. с англ. Т. В. Павловой. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 348–355.

учение, которое нельзя напрямую вывести ни из классических источников, ни из религиозных течений, — о том, что каждый человек обладает абсолютным правом собственности на свое имущество, исключаящим право суверена⁵⁰. Все остальные учения имеют либо классическое, либо религиозное происхождение⁵¹.

Анализируя пути распространения «болезней», ослабляющих государство и ведущих его к распаду, Гоббс, помимо «ложных учений», выделяет еще два способа их распространения: подражание народам-соседям и их политическим формам, а также «чтение политических и исторических книг древних греков и римлян». Что касается подражания политическим формам народов-соседей, то, по словам Гоббса, «примеры различных форм правления у соседних народов часто располагают людей к изменению установленного порядка правления»⁵². Так поступили евреи, которые отвергли Бога и потребовали от пророка Самуила царя по образцу прочих народов. Так поступали древние греки, одни из которых подражали афинянам, а другие — спартамцам. Гоббс пишет:

И я не сомневаюсь, что многие были рады видеть недавние смуты в Англии из желания подражать Нидерландам, полагая, что для увеличения богатства страны не требуется ничего больше, как изменить, подобно Нидерландам, форму правления⁵³.

Наконец, чтение классиков политической мысли, чьи произведения и идеи легли в основу республиканской традиции гражданской свободы и народовластия, в особенности Аристотеля и Цицерона, также ведет к восстаниям против монархии. По словам Гоббса,

... поддаваясь сильному и приятному впечатлению от великих военных подвигов, совершенных полководцами этих народов, молодые и другие люди, которым не хватает противоядия солидного ума, получают вместе с этим яркое представление обо всем, что, кроме того, сделали народы, и воображают, что их великое преуспевание было обусловлено не соперничеством отдельных людей, а демократической формой правления. При этом такие люди не принимают во внимание тех частых мятежей и граждан-

50. Гоббс Т. Левиафан (XXIX). С. 253.

51. Vaughan G. M. *Behemoth teaches Leviathan*. Thomas Hobbes on Political Education. N.Y.: Lexington Books, 2002. P. 20–21.

52. Гоббс Т. Указ. соч. (XXIX). С. 254.

53. Там же.

ских войн, к которым приводило несовершенство их политического строя⁵⁴.

Идеи этих авторов Гоббс считает теоретическими основами «мятежных учений» своего времени. Причину популярности этих идей он усматривает в том, что в то время, как центром притяжения внимания и споров в общественно-политической жизни Англии середины XVII века были религиозные вопросы, обсуждавшиеся на языке Священного Писания⁵⁵, в духовной и интеллектуальной жизни Англии того периода таким центром служили тесно связанные с первыми политико-теологические проблемы, а также идеалы республиканской свободы и народовластия, которые в образованных кругах английского общества в ту пору было принято обсуждать на языке, заимствованном из классического учения о политике. Иными словами, если в английском обществе 1640–1660-х годов в целом обсуждение важнейших социально-политических проблем и противоречий облекается в форму споров по вопросам религиозной жизни, то в образованных кругах английского общества той поры полемика идет вокруг идей классического республиканства, стародавнего английского «общего права», а также политической теологии, в центре внимания которой оказывается вопрос об установлении правильных отношений между светскими и духовными властями.

Томас Гоббс: «Если кто-то хочет утвердить здравомыслие в государстве, тому следует начинать с университетов»⁵⁶

Теперь становится понятно, почему внимание Гоббса, искавшего главные причины гражданской войны в Англии в сфере «борьбы перьев», то есть идей, было приковано в первую очередь к английским университетам. Поскольку политический порядок является искусственным порядком, он требует за собой неусыпного контроля со стороны суверена. Неотъемлемой составляющей этого контроля должен быть контроль суверенной власти над ин-

54. Гоббс Т. Левиафан (XXIX). С. 255.

55. «С момента публикации в английском переводе, — пишет знаток вопроса Кристофер Хилл, — Библия стала для Английской революции тем, чем Жан-Жак Руссо стал для Французской революции, а Карл Маркс — для русской революции» (Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. С. 8).

56. Гоббс Т. О гражданине. С. 405.

ститутами, связанными с производством и трансляцией знаний. С этой точки зрения

... именно недостаточный контроль со стороны суверена за порядками знания и обслуживающими их интеллектуалами являлся главной причиной революции и спровоцированной ей гражданской войны, а потому надежный контроль над интеллектуалами служит в глазах Гоббса ключом к успешному противодействию революции и ее предотвращению⁵⁷.

Главнейшими объектами такого идейного надзора и контроля со стороны верховной власти должны были стать преподавание в университетах и проповеди духовенства. И действительно, ложные политические, моральные и религиозные учения не представляли бы большой угрозы для общественной безопасности, если бы их не преподавали в университетах и не провозглашали в проповедях с амвонов церкви. Недаром Гоббс относит чтение классической литературы в университетах и проповеди духовенства к двум важнейшим способам распространения «мятежных учений». Правда, у этих учений была, как правило, разная аудитория: в университетах училась в основном элита английского общества, выходцы из привилегированных слоев, тогда как проповеди духовенства были обращены прежде всего к простому народу. Тем не менее в XVII веке идейное влияние этих двух видов институтов — университетов и религиозных конфессий — на английское общество было колоссальным, и верховной власти, по мнению Гоббса, следовало с этим считаться.

Говоря о вредном идейном воздействии университетов и духовенства на настроения английской общественности, Гоббс отталкивается от довольно любопытной «социологии» тогдашней интеллектуальной жизни. Он считает, что мнение большинства людей по жизненно важным религиозным и общественно-политическим вопросам определяется не их собственными размышлениями, но тем, что внушили им их наставники, будь то светские образованные люди или люди духовного сана⁵⁸. С точки зрения Гоббса,

57. *Münkler H. Thomas Hobbes. S. 57.*

58. В подобной постановке вопроса Гоббсом при желании можно увидеть предвосхищение деления всех людей Жаном-Жаком Руссо на две категории — интеллектуалов и не-интеллектуалов. По мнению Руссо, «от природы человек не склонен мыслить. Мышление — это своего рода искусство, которое приобретают, и оно дается ему, пожалуй, еще труднее, нежели другие искусства. Я знаю только два класса людей, резко отличающихся

...люди, которых нужда или корыстолюбие заставляют всецело отдаться своим промыслам и труду, а с другой стороны, люди, которых избыток средств или лень побуждают отдаваться чувственным удовольствиям (обе эти категории людей составляют большую часть человеческого рода), не имея времени предаваться глубоким размышлениям, которых требует исследование истины не только в вопросах естественного права, но и во всех других отраслях знания, получают свои сведения о долге главным образом от теологов на кафедре и отчасти от таких соседей и знакомых, которые кажутся им благодаря своей способности говорить плавно и общедоступно более мудрыми и более сведущими в вопросах права и совести, чем они сами⁵⁹.

Как в случае с «теологами на кафедре», так и в случае с образованными и уважаемыми в обществе людьми, «способными рассуждать гладко и убедительно» (*having the faculty of discoursing readily, and plausibly*), речь шла о выпускниках университетов, выходящих из стен этих образовательных учреждений с определенным багажом теологического, морально-практического и общественно-политического знания и затем либо в проповедях, либо в частных разговорах наставляющих в нем простой люд или же людей своего круга, лишенных формального образования. В этих обстоятельствах не только контроль суверена над политическими и религиозными учениями в интересах сохранения гражданского мира и согласия, но и продиктованная этим же императивом необходимость коренной реформы университетов становилась в глазах Гоббса вопросом первостепенной важности в целях преодоления

друг от друга: класс мыслящих людей и класс людей, не умеющих мыслить, — это различие обусловлено почти исключительно воспитанием» (Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о Воспитании [1762] // Избр. соч.: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. С. 616). У Гоббса в «Левиафане» мы находим сходную постановку вопроса, когда он отмечает, что в отличие от умственных способностей и житейского опыта, которые распределены относительно равномерно между людьми, «искусства, имеющие основу в словах, и особенно искусство доходить до общих и непреложных правил, называемое наукой», отличаются тем, что «таковыми правилами обладают немногие, и то лишь в отношении немногих вещей, ибо правила эти не врожденные способности, родившиеся с нами, а также не приобретенные (как благоразумие) в процессе наблюдения над чем-то другим» (Гоббс Т. Левиафан (XIII). С. 93–94). Иными словами, по Гоббсу, профессиональные занятия наукой являются привилегией ограниченного круга «людей знания», получивших специальное образование.

59. Там же (XXX). С. 267.

смуты и гражданской войны и правильного политического просвещения народа. Как подчеркивал Гоббс,

...теологи и другие претендующие на ученость получают свои знания из университетов и правовых школ или книг, опубликованных выдающимися представителями этих школ и университетов. Из этого очевидно, что *просвещение людей всецело зависит от правильной постановки обучения юношества в университетах*⁶⁰.

Главную угрозу, исходившую гражданскому миру от университетов, Гоббс видел в том, что в них преподавались различные политические и религиозные учения, которые прямо или косвенно подрывали авторитет верховной власти. Он писал:

Тот факт, что многие учения, направленные против верховной власти короля, поддерживаются столькими проповедниками, юристами и другими людьми, получившими свое образование в университетах, достаточно ясно свидетельствует о том, что хотя университеты и не были творцами этих ложных доктрин, но они не сумели внушить своим питомцам истинных учений. Ибо противоречивые взгляды, господствующие среди воспитанников университетов, доказывают, что они недостаточно обучены, и не приходится удивляться тому, что они сохранили вкус того тонкого напитка, которым напоили их против гражданской власти⁶¹.

Тем самым под пером Гоббса лавина вины за разгоревшуюся в Англии смута ложилась на университеты, которые, по его твердому убеждению, из институтов по производству и трансляции знаний превратились в институты по производству и трансляции политических заблуждений и религиозных суеверий. Накануне революции, писал Гоббс в «Бегемоте», университеты были для английской нации «тем же, чем деревянный конь для троянцев»⁶². Те, кто в ту пору учился в английских университетах, проходили в них не школу гражданского воспитания, а школу гражданского неповиновения. Дворяне, читавшие в университетах классических авторов, проникались древними идеями свободы и народовластия, которые подталкивали их к мятежу против ко-

60. Гоббс Т. Левиафан (XXX). С. 267. Курсив мой. — Т. Д.

61. Там же (XXX). С. 267–268.

62. *Hobbes T. Behemoth*. P. 159.

роны и ее прерогатив⁶³. Не отставали от них и люди духовного звания, которые выносили из университетов убеждение в превосходстве духовной власти над светской или даже о необходимости полной независимости первой от последней. «Подобно тому как пресвитериане перенесли свое богословие из университетов в церковь, — утверждает Гоббс, — так и многие из дворян перенесли свою политику оттуда в парламент»⁶⁴.

Со своей стороны, Гоббс полагает, что можно говорить об определенном идейном родстве пресвитерианских проповедников (*ministers*) и дворян-демократов (*democratic gentlemen*), которое сделало их политическими союзниками в борьбе против английской короны. Что касается пресвитериан, то их растущее недовольство религиозной политикой короля накануне революции принесло им симпатии значительного числа дворян, желавших установления народного правления в государстве подобно тому, как пресвитерианские проповедники желали установления демократических порядков в церкви. В результате «учение пресвитериан» стало «истинной основой» (*the very same foundation*) для притязаний Долгого парламента на власть⁶⁵. При этом Гоббс не забывает и намекнуть своему читателю на корпоративный интерес пресвитерианского духовенства. Это последнее, по его мнению, призывало к восстанию ради того, чтобы

... в государстве восторжествовало народоправство, церковь тоже по возможности усвоила бы себе эту форму правления и управлялась бы собранием (*Assembly*); следствием этого, как они рассчитывали, видя в политике служанку религии, стал бы переход власти в их собственные руки, благодаря чему они могли бы не только удовлетворить свою страстную тягу к богатству, но и дать выход своей злобе благодаря возможности уничтожить всех тех, кто без особого почтения относился к их мудрости⁶⁶.

Так, с точки зрения Гоббса, накануне революции сложился «несвященный союз» двух категорий интеллектуалов — пресвитерианских священников и дворян-демократов, которые, будучи выпускниками университетов, проповедовали неповиновение верховной власти и тем самым сбивали с толку простой народ. В то время

63. *Hobbes T. Behemoth*. P. 110, 136–137, 164, 179–180, 322–323.

64. *Ibid.* P. 137.

65. *Ibid.* P. 214.

66. *Ibid.* P. 323.

... как одни с кафедры склоняли народ к своим мнениям и проповедовали неприязнь к церковному управлению, канонам и молитвенникам, другие заставляли его полюбить народоправство своими разглагольствованиями в парламенте, равно как и своими беседами и общением с народом в провинции; постоянно превознося *свободу* и порицая *тиранию*, они подталкивали народ к мысли о том, что подобной тиранией было существующее правительство страны⁶⁷.

Простые же люди были лишены всякого иммунитета от подобного рода подрывной пропаганды, поскольку были неспособны самостоятельно сформировать свое мнение о том, что в государстве справедливо, а что несправедливо. «Невозможно, — подчеркивает Гоббс, — чтобы массы учились своим обязанностям иначе как с кафедры и по праздникам. А таким образом они учатся неповиновению»⁶⁸.

Размышления над причинами и ходом гражданской войны в Англии подвели Гоббса к мысли о том, что новая власть должна начать создание условий для водворения прочного гражданского мира с реформы университетов, которые, с его точки зрения, представляли собой «центр восстания» (*the coar of Rebellion*)⁶⁹. Начинать их реформу, по мнению Гоббса, следовало с правильной постановки политического образования тех, кому впоследствии будет суждено наставлять и просвещать народ относительно его обязанностей по отношению к верховной власти.

Реформа университетов под углом государственных интересов требовала занятия определенной позиции в отношении классической гуманистической традиции, которая служила одной из основ тогдашнего университетского образования. Несмотря на то что Гоббс был воспитан в духе гуманистической традиции мысли, впоследствии он пересмотрел свое отношение к гуманистическому наследию и

... в процессе создания своих теорий свободы, обязательства и государства стремился развенчать некоторые из наиболее примечательных особенностей гуманистической политической мысли. Возражая прежде всего против характерного для Возрождения расположения к самоуправляемым городам-республикам, он создал теорию абсолютного суверенитета, основанного на догово-

67. *Hobbes T. Behemoth*. P. 136–137.

68. *Ibid.* P. 159.

69. *Ibid.* P. 182.

ре, отличительной чертой которого является требование отказа от «моего права управления собой» (*Leviathan*, ch. II)⁷⁰.

С точки зрения Гоббса, тексты Аристотеля, Цицерона, Сенеки и других авторов, которых читали и изучали в университетах и которые составляли ядро классического учения о политике, не только не помогали правильной постановке политического образования светской и духовной элиты Англии, но скорее вредили ей. Ведь, согласно Гоббсу, чтение классики в университетах было крайне опасным занятием, послужившим одной из главных причин гражданской войны в Англии. Политические сочинения Гоббса, и в особенности «Левиафан», полны критических инвектив против классики — сочинений греческих и римских авторов, прославляющих древние идеалы свободы и народоправства. Афины и Рим были республиками, которые внушали своим гражданам мысль о том, что республиканское правление является наилучшим, что нет ничего лучше свободы и ничего страшнее тирании и деспотизма. Однако, будучи взятыми вне исторического контекста и пересаженными на чуждую им почву, эти древние идеи свободы и народоправства приобретали колоссальный разрушительный потенциал, подталкивая их приверженцев к мятежу против своих суверенов и к свержению законных правительств. Как подчеркивал Гоббс,

... благодаря чтению греческих и латинских авторов люди с детства привыкли благосклонно относиться (под лживой маской свободы) к мятежам и беззастенчивому контролированию действий своих суверенов, а затем к контролированию и этих контролеров, вследствие чего было пролито столько крови, что я считаю себя вправе утверждать, что ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков⁷¹.

По мнению Гоббса, самое опасное и вредное из учений, которые можно почерпнуть из чтения классики, — это учение о том, что убийство правителя, чья личность обычно стигматизируется посредством ярлыка «тиран», является справедливым и законным делом. Таким образом, подражание части образованного английского общества древним грекам и римлянам послужило одним

70. Skinner Q. Introduction: Hobbes's Life in Philosophy // Idem. *The Visions of Politics*. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1.

71. Гоббс Т. *Левиафан* (XXI). С. 167–168.

из источников смуты и гражданской войны в Англии. По этому поводу Гоббс писал:

Что касается восстаний, в частности против монархии, то одной из наиболее частых причин таковых является чтение политических и исторических книг древних греков и римлян... Благодаря чтению таких книг, говорю я, люди дошли до убийства своих королей, так как греческие и латинские писатели в своих книгах и рассуждениях о политике объявляют законными и похвальными такие действия, если только, прежде чем их совершить, человек назовет свою жертву тираном⁷².

Книги, которые нам стоит читать, писал Гоббс в трактате «О человеке» (1658), должны содержать здравые, чистые и полезные идеи, а самое главное — от этих идей не должна исходить угроза гражданскому миру. Однако

... книги, написанные римскими гражданами в период распада республики или в эпоху, непосредственно следующую за падением последней, а также греками в период расцвета Афинского государства, полны мыслей и примеров, враждебно настраивающих народ против монархов, ибо в них прославляются такие преступления, совершенные безнравственными людьми, как царубийство, а самих монархов изображают как тиранов. И в наше время чтение книг и слушание народных проповедников, желающих создать государство в государстве, церковное королевство в светском, по большей части лишь способствуют извращению здравого ума народа. В результате образуются люди, подобные не Кассию и Бруту, а Равальяку и Клеману, которые думали, что служат Богу, в то время как, убивая своих королей, они служили честолюбию других людей⁷³.

Почему великие политические идеи древнего мира привели новый мир к катастрофе? С точки зрения Гоббса, причина в том, что эти идеи имели хождение в Англии в виде *мнений*. Они были широко известны и давали недовольным прекрасный повод для неповиновения суверену. Однако именно статус *мнений* и делал эти идеи крайне опасными для гражданского мира. Причиной тому служил принципиально разный статус этих идей в древнем и новом мире. Если в древности эти идеи были неотъемлемой чертой оригинального политического опыта, равно как и аутентичны-

72. Гоббс Т. Левиафан (XXIX). С. 254–255.

73. Он же. О человеке [1658] (XIII.7) // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 257.

ми формами его выражения, то в Новое время они превратились всего-навсего в расхожие мнения, не имевшие серьезных корней в общественно-политической жизни новых государств и наций. Разрушительные политические эффекты, к которым привело следование этим мнениям в современных условиях, в глазах Гоббса обесценивали их претензию на аутентичное выражение политического опыта модерна⁷⁴.

Отсюда, по Гоббсу, вытекает необходимость использования особой герменевтики чтения классических текстов, призванной учесть не только их содержательный смысл, но и конкретный общественно-политический контекст их возникновения и бытования. Подобный метод прочтения классических произведений, трактующих вопросы морали и политики, Гоббс практикует уже в своих ранних политических сочинениях, в частности в «Началах права». Главное требование этого метода интерпретации идей и слов, их выражающих, заключается в требовании помещать их в контекст того морального и политического опыта, на выражение которого они притязают, с тем чтобы можно было выяснить как их истинное значение, так и применимость в современных обстоятельствах. Гоббс писал:

Слова являются для нас знаками мнений и настроений других людей. Однако так как слова часто допускают различное толкование в зависимости от их различного расположения в речи и характера того общества, в котором они произносятся, и так как, чтобы выяснить истинный смысл слов, необходимо видеть того, кто говорит, быть свидетелем его действий и догадываться о его настроениях, — то отсюда можно видеть, как трудно должно быть раскрытие истинного мнения и истинных мыслей тех, кто жил задолго до нас, оставив нам свои труды, которые мы можем понимать лишь с помощью истории, раскрывающей нам вышеуказанные обстоятельства, а также проявляя величайшую рассудительность и осмотрительность, необходимую для их истолкования⁷⁵.

С точки зрения Гоббса, роковая ошибка его современников, пытавшихся пересадить древние республиканские идеалы на почву Англии XVII века, заключалась в том, что они не понимали контекстуальной обусловленности этих идей своеобразием морально-практической и политической жизни древних народов — гре-

74. Подобную интерпретацию идеям Гоббса дает, в частности, Пьер Манан: *Manent P. Histoire intellectuelle du liberalism. P. 56.*

75. *Hobbes T. Elements of Law (I.13.8). P. 76–77.*

ков и римлян, которые невозможно воспроизвести в современном мире. Гоббс полагал, что тем его соотечественникам, которых он в «Бегемоте» называет «дворянами-демократами» (*Democraticall Gentlemen*)⁷⁶, недоставало как знания соответствующих обстоятельств или контекста появления древних идей свободы и народовластия (*those aforementioned circumstances*), отраженных в сочинениях древних философов и историков, так и изрядной практической рассудительности или осмотрительности (*great prudence*), совершенно необходимой для их правильного истолкования в современных условиях. В этой ситуации, по мнению Гоббса, обращение к особой герменевтике чтения классических текстов позволило бы уберечь их читателей от соблазна извлечь из этих текстов поспешные политические выводы и практические рекомендации на злобу дня. В противном случае риторика, заимствованная из полисной жизни греков и республиканской практики римлян, в условиях отсутствия античного полиса и римской *res publica* становилась опасным «оружием критики» на службе политических страстей, откуда, при благоприятных обстоятельствах, оставался один шаг до «критики оружием», то есть для развязывания гражданской войны⁷⁷.

Особую озабоченность у Гоббса вызывало злоупотребление его современниками такими расхожими понятиями, как «свобода», «равенство» и «справедливость», заимствованными из словаря классического учения о политике. Безусловно, Гоббс признавал, что эти политические идеи древних авторов имеют определенное рациональное зерно, которое стоит сохранить в новой политической науке, но это совсем не то зерно, которое извлекли его современники-революционеры — эти самозванные поклонники Брута и Кассия, начитавшиеся Плутарха. Превыше всего они ставят свободу, однако при этом видят ее совсем не там, где ее следовало бы видеть. По мнению Гоббса, свобода — это независимость государства от чужеземного господства, а вовсе не право подданных оспаривать распоряжения суверена и тем более бунтовать про-

76. *Hobbes T. Behemoth*. P. 159.

77. На эту двусмысленность, связанную с возрождением гуманистами классиков и классической риторической традиции в новую эпоху европейской истории, обращает наше внимание Ганс-Георг Гадамер. «Это возрождение, — отмечает он, — было какой-то странной декламацией. Что за классическое ораторское искусство без соответствующего классического пространства — без полиса, без *res publica*?» (*Гадамер Г.-Г. Риторика и герменевтика // Он же. Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 192).

тив него⁷⁸. Именно такую свободу суверенов, а вовсе не частных лиц превозносили древние писатели. С этой точки зрения свободы в Османской империи при султанах не меньше, чем в Англии при короле и парламенте. Гоббс пишет:

Та свобода, о которой часто и с таким уважением говорится в исторических и философских работах древних греков и римлян и в сочинениях и рассуждениях тех, кто позаимствовал у них все свои политические познания, есть свобода не частных лиц, а государства. <...> Афиняне и римляне были свободны, то есть [были] свободными государствами; это значит не то, что какие-нибудь частные лица пользовались там свободой организовывать сопротивление своим представителям, а то, что их представители имели свободу оказывать сопротивление другим народам или завоевывать их. На башнях города Лукка начертано в наши дни большими буквами слово *LIBERTAS*, однако никто не может отсюда заключить, что человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству, чем в Константинополе. Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве⁷⁹.

Предпочтение монархического образа правления демократическому часто обосновывают тем, что демократия дает гражданам больше свободы. Однако такая постановка вопроса представляется Гоббсу крайне спорной, если не сказать сомнительной. Если под свободой понимать отказ от подчинения законам, то такой свободы нет ни при монархии, ни при демократии. Если же под свободой понимать немногочисленность законов и запретов, распространяющихся лишь на то, что угрожает гражданскому миру, то при монархии может быть не меньше свободы, чем при демократии⁸⁰. Когда подданные требуют у своих суверенов свободы,

78. Свободу как свободу от чужеземного господства в неоримском духе можно встретить уже у Макиавелли, «Рассуждения» которого начинаются с определения свободных государств как таких, что «получили устройство, далекое от всякого чужеземного ига и управляются своей собственной волей» (*governate per loro arbitrio*) (*Machiavelli N. Discorsi (I.2) // Tutte le opere / M. Martelli (ed.). Firenze: Giunti Editore/Bompiani, 2018. P. 313*). Такие свободные государства могут быть или республиками, или принципатами (*Ibidem*).

79. Гоббс Т. Левиафан (XXI). С. 166–167.

80. Заметим по ходу дела, что проблема истолкования понятия *libertas* в его смысловой многозначности имеет давнюю и богатую традицию в истории политической мысли Запада. Исторически она соотносится с эпохой формирования в Риме института принципата и с восхождением к власти Октавиана, будущего императора Августа. Именно с этой эпохой связа-

они лукавят; в действительности они стремятся к господству, а вовсе не к свободе от него. Ведь если бы каждый предоставлял другим такую свободу, которую он требует для себя, как того требует закон природы, то речь шла о возвращении к естественно-му состоянию со всеми вытекающими из этого последствиями. Гоббс писал:

Но если кто-то требует свободы только для самого себя, отказывая в ней всем остальным, разве это не есть требование господства? Ведь тот, кто свободен от всяких уз, тот является господином всех остальных, кто скован ими. Следовательно, что в *народном государстве* свобода граждан не больше, чем в монархическом⁸¹.

Правда, не пройдет и двух веков с того момента, как Гоббс напишет эти строки, и его именитые соотечественники станут утверждать, что англичане середины XVII века не заслужили подобных обвинений. Характерный пример такой защиты своего отечества мы находим в статье известного английского историка XIX века Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859), посвященной Француз-

но растущее расхождение в понимании смысла идеи *libertas* среди сторонников прежней, республиканской системы правления и новых порядков принципата (Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: ЛГУ, 1985. С. 9–10). В то время как с точки зрения официальной идеологии принципата Августа и его преемников из династии Юлиев — Клавдиев при хорошем императоре *libertas* обязательно существует, а каждый император, в свою очередь, стремится быть хорошим, многие граждане Рима склонялись к мысли, что принципат и свобода — вещи с трудом совместимые, если совместимые вообще. Как отмечает Лотар Векерт, такое серьезное расхождение в понимании было вызвано не в последнюю очередь различным пониманием смысла самой идеи, поскольку в республиканской традиции Рима *libertas* имела значение политической свободы, тогда как при принципате под ней стали понимать только *securitas*, то есть правовую безопасность отдельного лица (Wickert L. *Princeps (civitatis)* // Pauli Wissowa Realencyclopedie. 1954. Bd. XXII. S. 2006–2098). К этой последней трактовке близко и понимание *libertas* Гоббсом в его политических сочинениях. Эволюция понятия *libertas* в эпоху поздней республики и раннего принципата обстоятельно прослежена в книге Хаима Виршубского: *Wirszubski C. Libertas as Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. По поводу трактовки свободы в политической философии Гоббса см.: *Skinner Q. Hobbes on the Proper Signification of Liberty* // *Idem. The Visions of Politics*. Vol. 3: *Hobbes and Civil Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 209–237.

81. Гоббс Т. О гражданине (X.8). С. 379.

ской революции⁸². Помимо всего прочего, в ней замечательно то, что все инвективы, которые Гоббс направлял против своих образованных современников, Маколей адресует французским литераторам и, шире, лицам свободных профессий, составившим идейный авангард Французской революции. Обвиняя последних в том, что «они предпочли Плутарха Фукидиду», Маколей, по сути дела, если не дословно, то по смыслу повторяет упрек Гоббса в адрес своих современников,

...получивших такое образование, что в своей юности они читали книги, написанные знаменитыми людьми древних республик Греции и Рима относительно их политики и великих деяний⁸³.

В противоположность Гоббсу Маколей утверждает, что англичане всегда

...удовлетворялись собственной национальной памятью и своими собственными английскими именами. Они никогда не искали для себя образцы в Древней Греции или Риме. Французы же, не видя в своей истории ничего привлекательного, обратились к великим сообществам древности, но делали это не по оригинальным сочинениям, а по романтическим вымыслам педантических моралистов, писавших спустя долгое время после исчезновения там свободных обществ. Они предпочли Плутарха Фукидиду. Слепнув сами, они брали себе слепых поводырей и, не имея собственного опыта свободы, лишь заимствовали мнения о ней таких же невежд — людей, восторженно превозносивших любовь к отечеству, которого у них никогда не бывало, и восхвалявших тираноубийство, находясь в рабской зависимости от тиранов.

Маколей добавляет:

Конечно, уроки древней истории весьма важны и полезны, но они вряд ли могли быть усвоены теми людьми, которые в своих восторгах перед афинской демократией совершенно забывали, что там на одного гражданина приходилось десять рабов,

82. Эта статья представляла собой рецензию Маколей на книгу воспоминаний о Мирабо: *Dumont E. Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées législatives*. P.: Gosselin et Bossange, 1832. Она была опубликована под заголовком «Мирабо» в *Edinburgh Review* (July 1832), но при этом была в основном посвящена не самому знаменитому французскому революционеру, но размышлениям Маколей о причинах и последствиях французских революций 1789 и 1830 годов.

83. *Hobbes T. Behemoth*. P. 110.

и которые украшали свои инвективы против знати панегириками Бруту и Катону — двум аристократам, своим высокомерием и нетерпимостью далеко превосходившим любого из тех, кто эмигрировал вместе с графом д'Артуа⁸⁴.

Не классикой единой живет мятежный дух

Разумеется, Гоббс и мысли не допускал о том, чтобы напрочь искоренять преподавание в английских университетах классического философского и гуманистического интеллектуального наследия. Да и вряд ли такой тонкий знаток и ценитель классической литературы и истории, каковым он, вне всякого сомнения, был, взялся бы за столь неблагоприятное дело. Его притязания в этом деле были намного скромнее. А именно Гоббс полагал, что суверен или уполномоченные им на то лица обязаны контролировать содержание преподаваемых в университетах концепций, учений и теорий на предмет их соответствия высшему благу государства — сохранению гражданского мира и общественной безопасности. Другими словами, у Гоббса речь шла о необходимости ограничения *мировоззренческой*, а не *институциональной* автономии университетов⁸⁵.

При этом подобные ограничения должны были коснуться не только морально-практических и политических учений, относимых Гоббсом к «классике», но и религиозных доктрин. Иначе говоря, вопрос об идейном наследии классической республиканской традиции — не единственный, который Гоббс рассматривает с точки зрения государственно-политической целесообразности, продиктованной нуждами общественной безопасности и гражданского мира. Однако не менее важным, чем вопрос об отношениях философии и общества, предстает в его глазах вопрос об отно-

84. *Маколей Т. Б.* Англия и Европа. Избр. эссе / Пер. с англ. Д. В. Соловьева. СПб.: Алетей, 2001. С. 189. Граф д'Артуа (1757–1836) — внук Людовика XV, младший брат Людовика XVI, до года — граф д'Артуа, в эпоху Реставрации — король Франции с 1824 по 1830 год. Свергнут с французского престола в ходе революции 1830 года.

85. Этим позиция Гоббса в отношении реформы университетов отличалась от позиции новых революционных властей Англии, которые видели в университетах прежде всего оплот роялизма и церковной реакции и потому в своих попытках навязать им новые правила игры не останавливались перед прямым применением насилия. О репрессиях, обрушенных парламентом на Кембриджский и Оксфордский университеты за симпатии к свергнутому королю, см.: *Савин А. Н.* Лекции по истории английской революции. С. 280–281.

шениях религии и общества, поскольку религиозные доктрины и обращенные к широкой и зачастую невежественной аудитории проповеди, произносимые церковниками с амвона, будучи истолкованными в специфическом «партийном» духе и распространяемыми с корыстными целями, несли, по мнению Гоббса, не меньшую угрозу гражданскому миру и согласию. Как показал опыт гражданской войны в Англии, такая далекоидущая «политизация» религии была способна нанести не меньший вред, чем политическая «операционализация» классического республиканского наследия.

Вред, наносимый распространением опасных для сохранения гражданского мира религиозных учений, было сложно переоценить, поскольку в ту пору именно проповеди священнослужителей, звучавшие с церковных амвонов, были главным средством наставления простонародья. Дело в том, что, как напоминает нам знаток истории Англии XVII века Кристофер Хилл,

...«религия» тогда была гораздо более широким понятием, чем сегодня. На протяжении всего Средневековья и вплоть до XVII века церковь весьма отличалась от того, что мы называем церковью сегодня. Она руководила всеми поступками людей от крещения до похорон и служила воротами в будущую жизнь, в которую тогда пламенно верили все. Церковь обучала детей. В деревенских приходах, где масса населения была неграмотна, проповедь священника была главным источником информации о текущих событиях и животрепещущих вопросах. Сам приход был важной единицей местного управления, где собирались и раздавались беднякам скудные пособия. Церковь контролировала чувства людей, указывала людям, во что верить, обеспечивала их развлечениями и зрелищами. Она распространяла по стране последние новости и вела пропаганду, то есть делала то, что теперь эффективно осуществляет множество более эффективных органов — печать, Британская радиовещательная корпорация, кино, клубы и т. д. Вот почему люди записывали проповеди. Вот почему правительство указывало проповедникам, нередко самым точным образом, что им проповедовать⁸⁶.

Сам Гоббс довольно рано пришел к выводу, что главной причиной гражданских войн и междоусобиц в Европе XVII века была борьба за первенство между светской и духовной властью. В одном из писем графу Девонширскому, написанном в 1641 году, он отмечал:

86. Хилл К. Английская революция. М.: Госиноиздат, 1947. С. 23.

Я уверен, что исторический опыт говорит в пользу того утверждения, что борьба за преобладание между духовными и гражданскими властями была больше, чем что-либо другое, причиной гражданской войны во всем христианском мире⁸⁷.

Когда в 43-й главе «Левиафана» («О том, что необходимо для принятия человека в Царствие Небесное») Гоббс возвращается к ложным учениям, преподаваемым в университетах, он добавляет к ним еще и притязание церкви на господство над светской властью:

Наиболее частым предлогом для мятежа и гражданской войны служила в течение долгого времени во всех христианских государствах недостаточно разрешенная и поныне трудность повиноваться одновременно Богу и человеку в тех случаях, когда повеления того и другого противоречат друг другу⁸⁸.

Этот конфликт между государством и церковью — одна из главных причин смут и гражданских войн.

Говорят, что, когда *феи* недовольны кем-либо, они посылают своих эльфов, чтобы ущипнуть его. Точно так же и *церковники*, когда они недовольны каким-либо гражданским государством, заставляют своих эльфов, то есть суеверных, замороженных подданных, ущипнуть своих государей мятежной проповедью или же заволакивают обещаниями одного государя и заставляют его ущипнуть другого⁸⁹.

Однако в конечном счете власть как *фей*, так и *церковников* над людьми основана на суевериях. Суеверие же, согласно Гоббсу, — это вера в бесплотных духов.

Подобно тому как *феи* имеют бытие лишь в фантазиях невежественных людей, позаимствованных из преданий старых бабок или древних поэтов, духовная власть *папы* (вне пределов его собственных владений) существует лишь в боязни одураченных людей быть отлученными от церкви, ибо они наслушались

87. Hobbes to William Cavendish, third Earl of Devonshire (23 July/2 August 1641) // The Correspondence of Thomas Hobbes. Pt. 1: 1622–1659. Vol. 6. P. 120–121.

88. Гоббс Т. Левиафан (XLIII). С. 448.

89. Там же (XLVII). С. 534.

рассказов о ложных чудесах, ложных традициях и лжетолкованиях Писания⁹⁰.

Поскольку религия основана не на знании, а на доверии авторитету, таковым в хорошо устроенном государстве должна служить верховная власть. Поэтому в правильно устроенном государстве должны исповедоваться только такие суеверия, которые разрешены верховной властью, или сувереном⁹¹. Отсюда Гоббс выводит главный принцип своей политической теологии, согласно которому религия — это закон государства; за счет подчинения церкви государству и сведения христианской догматики к минимальному набору разделяемых всеми верующими положений он рассчитывал поспособствовать устранению одной из главных причин смут и гражданских войн⁹².

Тем самым становится понятно, почему реформу университетов Гоббс считал совершенно необходимой предпосылкой для установления гражданского мира в Англии. Наставление подданных относительно их обязанностей по отношению к суверенам требует большого числа образованных людей, которые могли бы с разрешения суверена выступать в роли наставников народа. Задача подготовки таких образованных духовных и светских учителей гражданской науки ложится на университеты, но не старые, а на реформированные в соответствии с требованиями новой политической науки Гоббса. Как он писал в «Бегемоте», центр восстания против законной власти суверена

...это университеты, которые тем не менее следует не уничтожать, а привести в порядок, то есть чтобы политики, которых там учат, были (как и подобает истинным политикам) способны учить людей обязанности повиновения всем законам, которые будут введены властью короля, до тех пор пока они не будут отменены той же властью⁹³.

Иными словами, в реформированных университетах следовало преподавать учение о повиновении верховной власти, а не о вос-

90. Гоббс Т. Левиафан (XLVII). С. 534.

91. «Страх перед неведомой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется *религией*, не допущенных — *суеверием*» (Там же (VI). С. 43).

92. Об этом см.: Tuck R. The Civil Religion of Thomas Hobbes // Political Discourse in Early Modern Britain / N. Phillipson, Q. Skinner (eds). Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 120–138.

93. Hobbes T. Behemoth. P. 182.

станции против нее. В свою очередь, окончившие университеты образованные проповедники и дворяне должны научить людей тому, что

... религия, которую они проповедают, представляет собой мирное ожидание нового пришествия нашего благословенного Спасителя, а до того — решимость повиноваться королевским законам (которые являются также и божественными законами), не вредить людям, быть ко всем милосердными, заботиться о бедных и больных и жить трезво и без скандалов, жить, не смешивая нашу религию с вопросами естественной философии, такими, как свобода воли, бестелесная субстанция, вечность, вездесущность, ипостаси, которых народ не понимает и о которых никогда не заботится. Когда университеты будут так упорядочены, то из них постепенно станут выходить проповедники с хорошими принципами, а те, что ныне обладают дурными принципами, будут постепенно исчезать⁹⁴.

Учение об обязанности граждан повиноваться суверену, которому следует учить в реформированных университетах, есть, согласно Гоббсу,

... наука, построенная на верных и ясных принципах, и научиться ей можно с помощью основательного и внимательного обучения или же от тех учителей, которые основательно изучили этот предмет⁹⁵.

Ее, как настаивает Гоббс, «необходимо преподавать народу, поскольку без этого люди не смогут долго жить друг с другом в мире»⁹⁶. Однако если до революции, при короле Карле I, проблема упиралась в отсутствие знания о природе власти и повиновения, то теперь, после публикации политических трактатов самого Гоббса, и прежде всего его «Левиафана», ситуация кардинальным образом изменилась.

Существует достаточно правил *справедливости* и *несправедливости*, доказанных и выведенных из принципов, очевидных для самых слабых умов. И несмотря на неизвестность их автора, они ясны для хорошо образованных людей не только в этой, но и в других странах⁹⁷.

94. *Hobbes T. Behemoth*. P. 182–183.

95. *Ibid.* P. 322.

96. *Ibid.* P. 324.

97. *Ibid.* P. 158–159.

Гоббс не только возлагал большие надежды на реформу университетов, но и пытался содействовать ей как в годы республики, так и в последовавшие за ними годы Реставрации, высказывая пожелания, чтобы принципы его новой политической науки и разработанные на их основе истинное гражданское учение об обязанности подданных повиноваться суверену были положены в основу политического образования в английских университетах. В «Обзрении и заключении», завершающих его трактат «Левиафан», Гоббс отмечал:

Насколько я могу видеть, — нет ничего в этом трактате, как и в том, что я написал раньше на ту же тему по-латыни [имеется в виду трактат «О гражданине» (*De Cive*). — Т. Д.], что противоречило бы как Слову Божию, так и правилам добропорядочного поведения или могло бы способствовать нарушению общественного спокойствия. Вот почему я думаю, что было бы полезно этот труд напечатать, а еще полезнее было бы изучать его в университетах, если с ним согласны те, кто призван судить в таких вопросах⁹⁸.

Он надеялся на то, что, коль скоро университеты по милостивому соизволению верховной власти с рвением возьмутся за распространение сформулированных им, Гоббсом, принципов повиновения верховной власти, простые люди будут наставляться духовенством в духе повиновения властям, и тогда, быть может, придет время, когда можно будет заключить, что угроза свращения народа его нерадивыми учителями миновала. Этим надеждам и упованиям английского философа, однако, не суждено было сбыться.

Эпилог

История сыграла с Гоббсом злую шутку. Его программа политического образования (для элиты) и просвещения (для народных низов) так никогда и не была реализована, а его политические сочинения если и удостоились внимания властей и университетов, то совсем не того, на которое он рассчитывал. Спустя четыре года после его смерти, в 1683 году, его *alma mater* — Оксфордский университет — опубликовал декрет *Judgement and Decree of the University of Oxford* против

98. Гоббс Т. Левиафан. С. 544.

...некоторых вредных книг и достойных осуждения учений, которые подрывают авторитет священных особ монархов, их правительства и государства, равно как и всякого человеческого общества.

В этом документе политическое учение Гоббса было подвергнуто безоговорочному осуждению, а его монументальные труды «О гражданине» и «Левиафан» сожжены в Оксфордском университете в присутствии ликующих студентов⁹⁹. Ничуть не лучше обстояли и дела с сочинениями Гоббса на континенте. Там еще раньше, в 1654 году, трактат Гоббса «О гражданине» попал в «Индекс запрещенных книг» (*Index Librorum Prohibitorum*) — издававшийся Ватиканом начиная с 1559 года список запрещенных к распространению и употреблению католиками книг; а в 1674 году это же сочинение Гоббса было запрещено в Республике Соединенных провинций (Нидерландов)¹⁰⁰.

Правда, справедливости ради стоит отметить, что Гоббс был не единственным политическим мыслителем модерна, чьи сочинения «удостоились» подобной участи. Возьмем хотя бы великого флорентийца Никколо Макиавелли. Если первые издания «Государя» в 1532 году печатались с одобрения папы Климента VII, то уже двадцать лет спустя, в 1559 году при папе Павле IV, его сочинения были внесены в «Индекс запрещенных книг», а изображение (*in effigie*) самого автора подверглось сожжению. Примечательно, что этим дело не кончилось — история имела продолжение. Так,

... немецкий иезуит Генрих Вангнерек, автор сочинения, направленного против Макиавелли, с радостью сообщает о сожжении изображения Макьявелли в 1615 году студентами университета Ингольштадта под руководством иезуитов¹⁰¹.

В 1596 году пришел черед еще одного произведения, ставшего краеугольным камнем политической мысли Европы Нового вре-

99. *Parkin J.* Taming the Leviathan. The Reception of the Political and Religious Ideas of Thomas Hobbes in England 1640–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 371–374.

100. *Mintz S. I.* The Hunting of Leviathan. Seventeenth Century Reactions to the Materialism and Moral Philosophy of Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. P. 61–62.

101. *Рутенбург В. И.* Жизнь и творчество Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. 2-е изд. М.: Наука, 1987. С. 384.

мени — «Шести книг о государстве» Жана Бодена. Его также окончательно вносят в «Индекс запрещенных книг».

Тем не менее в известном смысле можно сказать, что Гоббс, как до него Макиавелли, в конечном счете оказался «безоружным пророком», который сумел посмертно превозмочь своих врагов и оппонентов. Его «игра на понижение ставок» в отношениях между индивидом и политическим сообществом стала теоретической и аксиологической основой всего проекта новой политической науки, а его политическая философия — притом, что отношение к ней как современников, так и потомков всегда было неоднозначным, — послужила смысловым горизонтом истолкования ключевых политических проблем современности¹⁰². Что же касается возражений против политического учения Гоббса, то, как справедливо замечает Лео Штраус,

...они были обречены утратить свое значение после появления тиранических режимов XX века. Всякий здравомыслящий человек без колебаний предпочел бы просвещенного и гуманного монарха Гоббса современным тиранам, чье правление основано на обскурантизме и бесчеловечности¹⁰³.

О Гоббсе пишут книги и статьи, его произведения изучают в университетах по всему миру, вокруг его идей по-прежнему скрециваются в спорах свои копыя ученые и интеллектуалы, тогда как сочинения политических врагов и хулителей Гоббса давным-давно стали достоянием истории и в лучшем случае выступают предметом любопытства немногочисленных эрудитов из числа историков политической мысли. Как изящно замечает по этому поводу Питер Томас Гич, со временем спор вокруг идейного наследия Гоббса благополучно завершился в пользу последнего в соответ-

102. Об «игре на понижении ставок» как одной из ключевых стратегий ведущих политических философов Нового времени (Макиавелли, Гоббс, Локк) и ее месте в политической философии Гоббса см. мою статью: *Дмитриев Т. А.* Человек-дух и человек-машина в философии Рене Декарта // Декарт Р. Человек / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Практикс, 2012. С. 175–184. Сама идея принадлежит известному историку политической мысли Лео Штраусу (*Штраус Л.* Что такое политическая философия? // Он же. Введение в политическую философию. М.: Практикс, 2000. С. 37–38).

103. *Strauss L.* On the Basis of Hobbes's Political Philosophy // *Idem.* What is Political Philosophy and Other Studies. Glencoe: The Free Press, 1959. P. 171.

ствии с принципом: *securus iudicat orbis terrarum*. «Даже те, кто ненавидит Гоббса, — добавляет он, — вынуждены читать его; а кто помнил бы работы Брэмхолла, если бы он не спорил с Гоббсом?»¹⁰⁴ Иными словами, хотя Гоббсу так и не удалось пройти невредимым по дороге, осажденной враждующими армиями сторонников безграничной свободы и неограниченной власти, тем не менее дорога эта в конечном счете оказалась для него поистине «царской».

Библиография

- Гадамер Г.-Г. Риторика и герменевтика // Он же. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, Форма и Власть Государства Церковного и Гражданского [1651] // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
- Гоббс Т. О гражданине [1642] // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
- Гоббс Т. О человеке [1658] // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 1.
- Гоббс Т. Основы философии. Часть первая. О теле. Посвящение графу Девонширскому // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 1.
- Дмитриев Т. А. Человек-дух и человек-машина в философии Рене Декарта // Декарт Р. Человек / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2012. С. 175–184.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: ЛГУ, 1985.
- Маколей Т. Б. Англия и Европа. Избр. эссе / Пер. с англ. Д. В. Соловьева. СПб.: Алетейя, 2001.
- Руссо Ж.-Ж. Эмил, или о Воспитании // Избр. соч.: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1.
- Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. 2-е изд. М.: Наука, 1987.
- Савин А. Н. Лекции по истории английской революции / Под общ. ред. Е. А. Косминского. 2-е изд. М.: Соцэкгиз, 1937.
- Стендаль. Прогулки по Риму // Собр. соч.: В 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 10.
- Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / Пер. с англ. Т. В. Павловой. М.: ИВИ РАН, 1998.
- Хилл К. Английская революция. М.: Госиноиздат, 1947.
- Штраус Л. Что такое политическая философия? // Он же. Введение в политическую философию. М.: Праксис, 2000.
- Abisadeh A. Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory // American Political Science Review. 2011. Vol. 105. № 2. P. 298–315.
- Borot L. Hobbes' Behemoth // Hobbes and History / G. A. J. Rogers, T. Sorell (eds). L.: Routledge, 2000.
- Dumont E. Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées législatives. P.: Gosselin et Bossange, 1832.

104. Geach P. T. The Religion of Thomas Hobbes // Religious Studies. 1981. Vol. 17. № 4. P. 549.

- Geach P. T. *The Religion of Thomas Hobbes* // *Religious Studies*. 1981. Vol. 17. № 4.
- Hertz D. *Bürgerkrieg und politische Ordnung in Leviathan. Zum Kapitel 29 des Leviathan* // *Thomas Hobbes, Leviathan* / W. Kersting (Hg.). 2. bearb. Aufl. B.: Akademie Verlag, 2008. S. 213–233.
- Hobbes T. *Behemoth, or The Long Parliament* / P. Seaward (ed.). Oxford: Clarendon, 2014.
- Hobbes T. *Elements of Law, Natural and Politic (XXVII)* / J. C. A. Gaskin (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Hobbes to Samuel Sorbière (29 December 1656 / 8 January 1657) // *The Correspondence of Thomas Hobbes* / N. Malcolm (ed.). Pt 1: 1622–1659. Oxford: The Clarendon Press, 1994. Vol. 6. P. 427–429.
- Hobbes to William Cavendish, third Earl of Devonshire (23 July/2 August 1641) // *The Correspondence of Thomas Hobbes*. Pt. 1: 1622–1659. Vol. 6. P. 120–121.
- Höffe O. *Thomas Hobbes*. München: C. H. Beck, 2010.
- Lund W. R. *Hobbes on Opinion, Private Judgement and Civil War* // *History of Political Thought*. 1992. Vol. 13. № 1. P. 51–72.
- MacGillivray R. *Thomas Hobbes's History of the English Civil War: A Study of Behemoth* // *Journal of the History of Ideas*. 1970. Vol. 31. № 2. P. 179–198.
- Machiavelli N. *Discorsi* // *Tutte le opere* / M. Martelli (ed.). Firenze: Giunti Editore/Bompiani, 2018.
- Manent P. *Histoire intellectuelle du liberalism: Dix Leçons*. P.: Calmann-Lévy, 1987.
- Milton J. *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Mintz S. I. *The Hunting of Leviathan. Seventeenth Century Reactions to the Materialism and Moral Philosophy of Hobbes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Münkler H. *Thomas Hobbes. Eine Einführung*. 3. Aufl. Frankfurt; N.Y.: Campus, 2014.
- Parkin J. *Taming the Leviathan. The Reception of the Political and Religious Ideas of Thomas Hobbes in England 1640–1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Skinner Q. *Hobbes on the Proper Signification of Liberty* // *Idem. The Visions of Politics*. Vol. 3: *Hobbes and Civil Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 209–237.
- Skinner Q. *Introduction: Hobbes's Life in Philosophy* // *Idem. The Visions of Politics*. Vol. 3: *Hobbes and Civil Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Skinner Q. *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Sorell T. *Hobbes's Persuasive Civil Science* // *Philosophical Quarterly*. 1990. Vol. 40. № 3. P. 342–351.
- Sorell T. *Hobbes's UnAristotelian Political Rhetoric* // *Politics & Rhetoric*. 1990. Vol. 23. № 2. P. 96–108.
- Strauss L. *On the Basis of Hobbes's Political Philosophy* // *Idem. What is Political Philosophy and Other Studies*. Glencoe: The Free Press, 1959.
- Tönnies F. *Hobbes Leben und Lehre. Erster Teil. Leben des Hobbes*. Stuttgart: Friedrich Frommanns, 1896.

- Tuck R. The Civil Religion of Thomas Hobbes // Political Discourse in Early Modern Britain / N. Phillipson, Q. Skinner (eds). Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 120–138.
- Vaughan G. M. Behemoth teaches Leviathan. Thomas Hobbes on Political Education. N.Y.: Lexington Books, 2002.
- Wickert L. Princeps (civitatis) // Pauli Wissowa Realencyclopädie. 1954. Bd. XXII. S. 2006–2098.
- Wirszubski C. Libertas as Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

THE POLITICAL EDUCATION AND ENLIGHTENMENT OF THOMAS HOBBS

TIMOFEY DMITRIEV. Associate Professor, Faculty of Humanities, tdmitriev@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE),
21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: history of political philosophy; political education; political enlightenment; classical republicanism; university; politics and religion; the civil war in England.

As one of the first political thinkers of the modern era, Thomas Hobbes relied on his analysis of the Civil War in England to reach the conclusion that the sovereign should empower its delegates to implement a special educational policy designed to inculcate the nobility and lower classes with allegiance to the state. One of the main features of Hobbes's program was that the sovereign power should oversee the institutions of knowledge to make sure they would not disseminate ideas that might subvert the authority of the sovereign. An equally important aspect of Hobbes's educational design was the control of secular sovereignty over ecclesiastical institutions to ensure their loyalty to the sovereign.

Hobbes assigns a special role to the English universities in his recommendations. In his historical treatise *Behemoth or the Long Parliament*, Hobbes places the lion's share of the blame for the English Civil War on the universities, which he said "have been to this nation, as the wooden horse was to the Trojans." That is why the new sovereign power after winning the Civil War needed to encourage civil peace by reforming the universities, which were "the core of rebellion." Hobbes regarded the political doctrine of the secular sovereign's unlimited power that he expounded in detail in *Leviathan* as the absolutely necessary foundation for reform. According to Hobbes, this educational policy was indispensable for indoctrinating citizens so that they would be loyal to the sovereign power in order to preserve peace in England.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-97-141

References

- Abisadeh A. Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory. *American Political Science Review*, 2011, vol. 105, no. 2, pp. 298–315.
- Borot L. Hobbes' Behemoth. *Hobbes and History* (eds G. A. J. Rogers, T. Sorell), London, Routledge, 2000.
- Dmitriev T. A. Chelovek-dukh i chelovek-mashina v filosofii Rene Dekarta [Spirit-Man and Machine-Man in the Philosophy of René Descartes]. In: Descartes R. *Chelovek* [L'Homme], Moscow, Praksis, 2012, pp. 175–184.
- Dumont E. *Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées législatives*, Paris, Gosselin et Bossange, 1832.
- Egorov A. B. *Rim na grani epokh. Problemy rozhdeniia i formirovaniia printsipata* [Rome on the Verge of Epochs. Problems of Birth and Formation of Principate], Leningrad, LGU, 1985.
- Gadamer H.-G. Ritorika i germeneytika [Rhetorik und Hermeneutik]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Die Aktualität des Schönen], Moscow, Iskusstvo, 1991.
- Geach P. T. The Religion of Thomas Hobbes. *Religious Studies*, 1981, vol. 17, no. 4.
- Hertz D. Bürgerkrieg und politische Ordnung in Leviathan. Zum Kapitel 29 des Leviathan. *Thomas Hobbes, Leviathan* (Hg. W. Kersting). 2. bearb. Aufl., Berlin, Akademie Verlag, 2008, S. 213–233.

- Hill K. *Angliiskaia Bibliia i revoliutsiia XVII veka* [English Bible and XVII Century Revolution], Moscow, IVI RAN, 1998.
- Hill K. *Angliiskaia revoliutsiia* [English Revolution], Moscow, Gosinoizdat, 1947.
- Hobbes T. *Behemoth, or The Long Parliament* (ed. P. Seaward), Oxford, Clarendon, 2014.
- Hobbes T. *Elements of Law, Natural and Politic* (ed. J. C. A. Gaskin), Oxford, Oxford University Press, 1990.
- Hobbes T. *Leviafan, ili Materiia, Forma i Vlast' Gosudarstva Tserkovnogo i Grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1991, vol. 2.
- Hobbes T. *O cheloveke* [De Homine]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1991, vol. 1.
- Hobbes T. *O grazhdanine* [De Cive]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1989, vol. 1.
- Hobbes T. *Osnovy filosofii. Chast' pervaiia. O tele* [Elements of Philosophy, The First Section, Concerning Body]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1991, vol. 1.
- Hobbes to Samuel Sorbière (29 December 1656 / 8 January 1657). *The Correspondence of Thomas Hobbes* (ed. N. Malcolm), Pt 1: 1622–1659, Oxford, The Clarendon Press, 1994, vol. 6, pp. 427–429.
- Hobbes to William Cavendish, third Earl of Devonshire (23 July/2 August 1641). *The Correspondence of Thomas Hobbes. Pt. 1: 1622–1659*, vol. 6, pp. 120–121.
- Höffe O. *Thomas Hobbes*, München, C. H. Beck, 2010.
- Lund W.R. Hobbes on Opinion, Private Judgement and Civil War. *History of Political Thought*, 1992, vol. 13, no. 1, pp. 51–72.
- MacGillivray R. Thomas Hobbes's History of the English Civil War: A Study of Behemoth. *Journal of the History of Ideas*, 1970, vol. 31, no. 2, pp. 179–198.
- Machiavelli N. *Discorsi. Tutte le opere* (ed. M. Martelli), Firenze, Giunti Editore/Bompiani, 2018.
- Makolei T.B. *Angliia i Evropa. Izbrannyye esse* [England and Europe. Selected Essays], Saint Petersburg, Aleteia, 2001.
- Manent P. *Histoire intellectuelle du liberalism: Dix Leçons*, Paris, Calmann-Lévy, 1987.
- Milton J. *Political Writings*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991.
- Mintz S. I. *The Hunting of Leviathan. Seventeenth Century Reactions to the Materialism and Moral Philosophy of Hobbes*, Cambridge, Cambridge University Press, 1962.
- Münkler H. *Thomas Hobbes. Eine Einführung. 3. Aufl.*, Frankfurt, New York, Campus, 2014.
- Parkin J. *Taming the Leviathan. The Reception of the Political and Religious Ideas of Thomas Hobbes in England 1640–1700*, Cambridge, Cambridge University Press, 2007.
- Rousseau J.-J. *Émil', ili o Vospitanii* [Émile, ou De l'éducation]. *Izbr soch.: V 3 t.* [Selected Works: In 3 vols], Moscow, Goslitizdat, 1961, vol. 1.
- Rutenburg V.I. *Zhizn' i tvorchestvo Nikkolo Makiavelli* [Life and Works of Niccolò Machiavelli]. In: Machiavelli N. *Istoriia Florentsii* [History of Florence], 2nd ed., Moscow, Nauka, 1987.
- Savin A. N. *Lektsii po istorii angliiskoi revoliutsii* [Lectures on the History of English Revolution], 2nd ed., Moscow, Sotsekgiz, 1937.

- Skinner Q. Hobbes on the Proper Signification of Liberty. *The Visions of Politics*, vol. 3: *Hobbes and Civil Science*, Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 209–237.
- Skinner Q. Introduction: Hobbes's Life in Philosophy. *The Visions of Politics*, vol. 3: *Hobbes and Civil Science*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.
- Skinner Q. *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*, Cambridge, Cambridge University Press, 1997.
- Sorell T. Hobbes's Persuasive Civil Science. *Philosophical Quarterly*, 1990, vol. 40, no. 3, pp. 342–351.
- Sorell T. Hobbes's UnAristotelian Political Rhetoric. *Politics & Rhetoric*, 1990, vol. 23, no. 2, pp. 96–108.
- Stendhal. Progulki po Rimu [Promenades dans Rome]. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols], Moscow, Pravda, 1959, vol. 10.
- Strauss L. Chto takoe politicheskaja filosofija? [What Is Political Philosophy?]. *Vvedenie v politicheskuiu filosofiju* [Introduction to Political Philosophy], Moscow, Praxis, 2000.
- Strauss L. On the Basis of Hobbes's Political Philosophy. *What is Political Philosophy and Other Studies*, Glencoe, The Free Press, 1959.
- Tönnies F. *Hobbes Leben und Lehre. Erster Teil. Leben des Hobbes*, Stuttgart, Friedrich Frommanns, 1896.
- Tuck R. The Civil Religion of Thomas Hobbes. *Political Discourse in Early Modern Britain* (eds N. Phillipson, Q. Skinner), Oxford, Oxford University Press, 1993, pp. 120–138.
- Vaughan G. M. *Behemoth teaches Leviathan. Thomas Hobbes on Political Education*, New York, Lexington Books, 2002.
- Wickert L. Princeps (civitatis). *Pauli Wissowa Realencyclopedie*, 1954, Bd. XXII, S. 2006–2098.f
- Wirszubski C. *Libertas as Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*, Cambridge, Cambridge University Press, 1960.